

Министерство образования Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Сборник статей

Выпуск 3

Ярославль 2001

ББК Т 3(0)5+Т 3(0)6
П 76

Проблемы новой и новейшей истории: Сб. статей. Вып. 3 / Под ред. М.Е. Ерина, Г.Н. Канинской. Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2001. 92 с.
ISBN 5-8397-0167-X

Сборник статей охватывает различные аспекты новой и новейшей истории Европы, США, Азии и Африки, а также историографические проблемы. Посвящен актуальным проблемам и базируется на малоизученных архивных документах.

Сборник может быть полезен преподавателям, научным работникам, студентам, всем интересующимся всеобщей историей.

Ответственные редакторы: д-р ист. наук М.Е. Ерин
д-р ист. наук Г.Н. Канинская

Рецензенты: кафедра всеобщей истории Ярославского педагогического университета им. К.Д. Ушинского; д-р ист. наук В.С. Павлов

ISBN 5-8397-0167-X

© Ярославский
государственный
университет, 2001

Осмысление проблемы отношений между немецким населением и советскими военнопленными. 1941 - 1945 гг.

Отношения между немцами и советскими военнопленными в 1941 – 1945 гг. - одна из тех проблем, которая до сих пор воспринимается наиболее болезненно и остро. Конечно, на то есть все основания. В концлагерях и шталагах советские военнопленные испытывали на себе жестокое обращение, различные формы и методы насилия, их избивали и унижали. Миллионы русских солдат и офицеров погибли от голода, холода, различных болезней, расстрелов, издевательств, пыток, непосильного труда, а также во время транспортировки на территорию рейха. Их судьба в немецких руках - это одна из мрачных страниц истории второй мировой войны, ведь из 5 734 528 советских военнопленных было уничтожено 3,3 млн., т.е. 57, 8%.

В трудах отечественных историков данная проблема почти не исследована. В них чаще всего речь идет об отношении к советским военнопленным со стороны партийного и военного руководства фашистской Германии, РСХА, гестапо, охраны, лагерной полиции. В работах немецких ученых, которые занимаются историей того или иного лагеря, данная тема затрагивается, хотя специального и обобщающего исследования нет. Здесь хотелось бы упомянуть труды В. Боргзена и К. Волланда, К. Хюзера и Р. Отто, Х.-Х. Штопсака и Э. Томаса, Х. Моммзена и Е. Борхерта и других. Пожалуй, наибольшее внимание историки ФРГ уделяют взаимоотношениям между немецким населением и французскими и польскими военнопленными, которые тоже находились в униженном положении. Им также было запрещено вступать в какие-либо контакты с немцами. Правда, этот запрет нарушался, особенно в общении с французскими военнопленными. По утверждению У. Хуберта, с конца 1940 г. «запрещенное общение с иностранцами и военнопленными» стало новым массовым правонарушением¹. Органы власти строго относились к фактам, когда речь шла о случаях «запрещенного общения» между немецкими женщинами и французскими пленными. Наказания за связь немки и француза колебались от 6 месяцев до 4 лет тюрьмы для немецких женщин и от 2 до 6 лет - для французских военнопленных². Партийные органы требовали сурового наказания как французов, так и поляков. Таким образом, проблема половых связей немецких женщин и девушек с французскими, польскими, английскими и бельгийскими военнопленными была необычайно острой³.

Жизненные пути советских военнопленных и немцев в третьем рейхе в годы войны пересекались повсюду. Многочисленные документы свидетельствуют, что советские военнопленные находились на самой низкой ступени в иерархии пленных германского фашизма. В партийных документах, официальных материалах ОКВ рекомендовалось беспощадно обходиться с русскими пленными, поскольку каждый из них рассматривался как «носитель большевизма». В отношении советского солдата нет «места для мягкости», которая может быть истолкована как слабость. Большевизм был объявлен смертельным врагом национал-социалистической Германии, а большевистский солдат считался опасным, коварным, агрессивным и вероломным. Нацисты полагали, что он существо низшего порядка и ближе стоит к животному, чем к человеку. Геббельс летом 1942 г. заявил, что «впервые в этой войне немецким солдатам противостоит не только по-солдатски, но также политически обученный противник». Предполагалось, что каждый советский солдат, попавший в плен, обязательно использует любой повод, чтобы проявить свою ненависть к каждому немцу.

Война против СССР была объявлена как расово-идеологическая война на уничтожение. Нацистская пропаганда формировала устрашающий образ «большевистского врага», убеждала немцев в расовой неполноценности русских пленных, внушала мысль об уничтожении «славянского недочеловечества»; населению навязывались антибольшевистские, антиславянские и антисемитские установки. Она опасалась, что немецкое население через связь с советскими военнопленными заразится вирусом большевизма. Пропанганда предостерегала немцев, особенно женщин, от прямых контактов с русскими, а 22 августа 1941 г. на заседании рабочего отдела "Иностранцы" при Главном управлении имперской безопасности (РСХА) все участники высказались за запрет сексуальных контактов иностранцев всех наций с немецкими женщинами. РСХА строго следило за исполнением запрета и требовало полицейского решения этого вопроса⁴.

В свою очередь всякая связь советских военнопленных с германским населением была тоже строго запрещена, любая поддержка, контакт или помощь пленным наказывалась. Гитлер, Геббельс, Гиммлер и Борман требовали, по меньшей мере, абсолютного запрета контактов с немецким населением, отвергая любой компромисс в этом вопросе, настаивая на полной изоляции советских солдат, от которых, как «большевистских подстрекателей», исходит большая опасность для окружающих⁵. Справедливо отмечается, что психоз, будто бы от «большевистских подстрекателей» исходит опасность для окружающих, принял гротескные формы. Например, военнопленных, которые владели немецким языком, не должны были ввозить на территорию рейха. Любые доказанные половые связи жестоко карались либо тюрьмой, либо концлагерем для немецких женщин, а советским военнопленным выносился смертный приговор.

И все же запреты не могли полностью исключить проявления сочувствия, помощи и любопытства, ведь и среди немцев были разные люди. Документы и ис-

следования немецких историков свидетельствуют, что эти запреты на общение и контакты с русскими военнопленными не соблюдались. По утверждению К. Хюзера и Р. Отто, уже летом 1941 г. небольшая группа конфессионально настроенных людей выступила против бесчеловечного и варварского отношения к советским военнопленным⁶. Дети часто бросали «русским» хлеб через ограждение или передавали им что-то съедобное по пути на работу⁷. Взрослые охотно обменивали продукты питания на соломенные башмаки, сделанные с поразительной ловкостью, шкатулки для драгоценностей или украшения. Исходный материал для какого-либо ремесла советские военнопленные чаще всего похищали с места работы. Несомненно, обменная торговля для обеих сторон была связана с большим риском. Часто между «торговыми партнерами» развивались личные связи и отношения, разоблачение которых грозило серьезным наказанием вплоть до высылки в концлагерь⁸. Хюзер и Отто также приходят к выводу, что местные жители не были одурманены нацистским мировоззренческим представлением о «русских недочеловеках»⁹. О меновой торговле между советскими военнопленными и немецким гражданским населением в окрестностях штаблагерей и рабочих команд пишет Е. Борхерт. Он отмечает, что прежде всего дети устанавливали контакты с русскими пленными, и именно они брали на себя необходимые поручения по обмену товарами. Дело в том, что органы нацистского аппарата террора обращали на них меньше внимания. Таким образом, дети могли более безопасно вступать в контакты с пленными. У детей особенно популярными были деревянные игрушки, такие, например, как «клюющая курица». Взрослые больше ценили изделия, выполненные из соломы¹⁰. Некоторые военнопленные владели особыми художественными способностями. По мнению того же Борхерта, коменданты некоторых лагерей не только организовывали объекты торговли, но даже предоставляли необходимый рабочий материал. Так, они хотели хотя бы немного помочь военнопленным в улучшении недостающего им питания¹¹.

Материалы гестапо, которые находятся в Главном государственном архиве в Дюссельдорфе, показывают, что, несмотря на многочисленные запреты и предписания нацистского государства, на рабочих местах в промышленности, сельском и коммунальном хозяйстве развивались личные отношения. Во время работы немецкие рабочие делили с пленными хлеб, бутерброды, табак, сигареты, иногда передавали тайно фрукты, кофе, хотя они хорошо знали, что общаться с советскими военнопленными нельзя и что такое общение строго карается. Некоторые немцы оставляли на рабочих местах часть своего обеда. Нередко они брали у пленных деньги и взамен приносили хлеб, мыло. Между немецкими рабочими и военнопленными происходил обмен товарами. В одном сообщении гестапо говорится о том, как один рабочий на металлургическом заводе Тиссена взял у русского пленного крюк на стену и птицу из дерева, а взамен передал табак, сигареты и кофе¹². Советские пленные предлагали обычно в обмен типичные предметы русской руч-

ной работы. За кусок хлеба и немного табака они вырезали из дерева различные изделия и изготавливали предметы домашнего пользования.

Порой рабочие приветствовали русских военнопленных сжатым кулаком (коммунистическое приветствие) или выкрикивали: «Сердечный привет нашим братьям!». Рабочих, естественно, наказывали, против них возбуждали уголовные дела, их сажали в тюрьмы на различные сроки заключения, чаще от одного до четырех месяцев тюремного заключения. Но порой и советские военнопленные вели себя недостойно. Прося хлеб, табак у немцев, они при первом же допросе выдавали их. Иногда рабочих наказывали штрафами в различных размерах. Так, в сообщении гестапо из Дуйсбурга от 6 марта 1944 г. отмечалось, что на предприятии Крупп-штальбау работало много русских пленных и остарбайтеров. Руководство предприятия старалось всеми средствами воспрепятствовать общению этих людей с немецкими рабочими. И тем не менее, по возможности, передавали русским пленным хлеб и табак. Некоторых рабочих суд наказал тюремным заключением до трех недель, последние или его заменяли высоким денежным штрафом - в размере 150 рейхсмарок¹³.

В документах гестапо много и часто сообщается о различных связях и контактах немецких женщин с советскими военнопленными. За ними следили, на них доносили, их наказывали и допрашивали в гестапо. Женщины покупали у военнопленных различные предметы пользования (например, корзинка из ивняка стоила 2 - 3 рейхсмарки) или взамен за какое-то изделие передавали бутерброд, помидоры, сигареты и стакан хлебной похлебки¹⁴. В информации гестапо от 27 марта 1943 г. говорится, что две женщины из домов № 7 и 12 как будто выносили пакеты с мусором, общаясь одновременно с русскими пленными, которые работали рядом с их домами. Одна из них передала русским пакет с брюквой, другая - пакет с хлебом. Доносчик, а им оказался сосед, тут же сообщил в гестапо г. Гладбаха и местную группу НСДАП и просил принять меры против фольксгеноссин¹⁵. Обе женщины обвинялись за связь с русскими пленными, но какое наказание они понесли, в делах не указано. Суд тянулся до июля 1943 г. И таких сообщений в гестапо, что немецкие женщины передавали пленным хлеб, бутерброды и другие продукты, приходило много из разных городов. В августе 1942 г. в партийные органы Эссена поступил донос от блокляйтера на фрау Б.М., которая через свою 8-летнюю дочку передала русским пленным питание. Дочь взамен получила двух птиц, вырезанных из дерева, и повесила их на стену кухни. Когда блокляйтер напомнил фрау Б.М. о запрете общаться с военнопленными, та ответила, что она знает это, но ей очень жалко военнопленных. Затем ее делом занялось гестапо. Однако прокуратура прекратила дело за неимением достаточных доказательств¹⁶. Многие женщины из сострадания передавали питание и надеялись при этом, что их мужья или сыновья, которые пропали без вести либо находятся в советском плену, найдут такую же поддержку.

Архивные материалы гестапо со всей очевидностью показывают, что существовала и эффективно функционировала система тотальной слежки, поклепов, сплетен, подозрений и доноительства. Рабочие и мастера следили друг за другом, за своими же коллегами и товарищами. Каждый случай общения и каждый контакт с советскими военнопленными сразу становился известным в гестапо Эссена, Дуйсбурга, Бортмунта, Дюссельдорфа, Гладбаха. Сосед доносил на соседа или соседку. Случайно увидев, как их знакомые передают пленным хлеб, табак, бутерброд или что-то еще, эти люди тут же доносили в гестапо или местные партийные организации. Каждый донос проверялся и передавался в суд. Так, по доносу немецкие рабочие Б. и П. обвинялись в нарушении запрета общаться с русскими пленными. На них были заведены судебные дела. В октябре 1942 г. Б. был осужден на один месяц тюремного заключения, а П. был приговорен к четырем месяцам тюрьмы¹⁷. Другой случай. Рабочий акционерного общества Гусштальфабрик Круппа С. при уходе с работы передал русскому пленному старую меховую шапку. В гестапо Эссена об этом случае сразу было сообщено. Русский пленный был арестован, допрошен, он вернул хозяину шапку и был возвращен в лагерь военнопленных. Рабочий, в свою очередь, в гестапо признался, что он действительно передал шапку, а суд низшей инстанции приговорил его к одному месяцу тюремного заключения¹⁸. Из этого акционерного общества в гестапо поступало особенно много доносов. Иногда рабочих освобождали, их предупреждали и напоминали о запрете общаться. Однако не каждый рабочий, на которого было донесено, признавался и чаще отрицал все, что говорилось в доносе. Доносы шли и на случайные разговоры русских пленных с военнопленными других стран. Особенно внимательно рассматривались доносы, когда речь шла о случаях «запрещенного общения» между немецкими женщинами и русскими военнопленными. А таких доносов было много. Каждый случай рассматривался судом, иногда дело тянулось месяцами, прежде чем был вынесен какой-либо приговор.

Чем больше мы узнаем о трагической судьбе советских военнопленных, тем больше открывается интересных, ранее неизвестных страниц, которые позволяют взглянуть на немецкий плен несколько иначе.

➤ Примечания

¹ Herbert U. *Fremdarbeiter: Politik und Praxis des «Auslander - Einsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches*. Bonn, 1999. S. 142.

² Ibid. S. 145.

³ Ibid. S. 145-146.

⁴ Ibid. S. 146.

⁵ Mommsen H. *In deutscher Hand. Der Arbeitseinsatz sowjetischer Kriegsgefangener 1941 - 1945 // Kriegsgefangene - военнопленные. Sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland - Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion*. Dusseldorf, 1995, S. 141-143.

⁶ Hüser K., Otto R. Das Stammlager 326 (VI K) Senne. 1941 - 1945. Sowjetische Kriegsgefangene als Opfer des Nationalsozialistischen Weltanschauungskrieges. Bielefeld, 1992. S. 98.

⁷ Ibid. S. 101.

⁸ Ibid. S. 102.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Borchert J. Dokumente des Leids. Was von 5, 7 Millionen sowjetischen Kriegsgefangenen übrigblieb // Kriegsgefangene - военнопленные. S. 168.

¹¹ Ibidem.

¹² Hauptstaatsarchiv Dusseldorf. Gestapo Dusseldorf. Bestand RW 58. № 50605. Bl. 2

¹³ Ibid. № 64731. Bl. 5, 13.

¹⁴ Ibid. № 65552. Bl. 2; № 58119. Bl. 2.

¹⁵ Ibid. № 68118. Bl. 3.10.

¹⁶ Ibid. № 65552. Bl. 4, 16.

¹⁷ Ibid. № 60961. Bl. 14; № 67319. Bl. 2.

¹⁸ Ibid. № 66573. Bl. 2.

Г.Н. Канинская

Советско-французский диалог середины 80-х - начала 90-х: вклад М.С. Горбачева и Ф. Миттерана

*Советско-французские отношения,
в силу той роли, которую наши страны
играют в современном мире, имеют
большое значение не только для наших
стран, но и для общего положения на
международной арене. Наши отношения
опираются на хорошие традиции:
на чувства уважения и симпатии, которые
давно питают наши народы друг к другу.*
Ф. Миттеран

*Уровень нашего взаимопонимания и
сотрудничества с господином президентом
уникален как в политическом, так и в
человеческом плане. Уникальны и отношения
между нашими двумя странами.*
М.С. Горбачев

Бурные события международной жизни последних пятнадцати лет XX в. охватили все ведущие страны мира, в том числе Францию и СССР. Во Франции в 1981 г. лидер социалистов Ф. Миттеран впервые в истории V Республики привел к власти правительство левых сил, в котором участвовали коммунисты и которое провозгласило курс на разрыв с капитализмом и изменение жизни французского общества. В Советском Союзе в 1985 г. М.С. Горбачев, став главой государства, начал процесс перестройки советского общества и предложил концепцию нового мышления в международных отношениях. Намеченные инициативы требовали твердого волеизъявления, способности убеждать и вызывать доверие, большого мужества и решительности от обоих политиков. Начатые преобразования носили главным образом внутривнутриполитический характер, между тем они не могли не зависеть от внешнеполитического курса. Напротив, как для М.С. Горбачева, так и для Ф. Миттерана, удачная деятельность на международной арене служила необходимым козырем для успешного продвижения внутренних реформ в собственных странах. Более того, учитывая особый характер советско-французских отношений на протяжении всей их истории, в том числе после второй мировой войны и создания де Голлем V Республики в 1958 г., можно утверждать, что многое в их развитии зависело от личностей глав государств, а также от их совместных усилий в деле сотрудничества и сохранения дружественных отношений между двумя странами.

Принимая во внимание тот факт, что речь идет о сравнительно недавнем историческом отрезке времени, вполне естественно предположить, что исследователям еще предстоит немалая работа, чтобы по достоинству оценить вклад каждого из упомянутых лидеров в мировое развитие и в развитие советско-французских отношений. Однако предварительные выводы и оценки можно сделать уже сейчас, когда улеглись прежние страсти, исчез с политической карты мира СССР и снова появилась на ней единая Германия, распалась мировая система социализма, нет в живых Ф. Миттерана (он скончался 8 января 1996 г.), вышли в свет воспоминания очевидцев тех лет¹, стали доступны некоторые архивные документы².

Изучение политики М.С. Горбачева и Ф. Миттерана стало объектом многочисленных монографий и статей российских и французских историков, в которых в общем виде затрагиваются двусторонние отношения СССР и Франции³. В 1998 – 1999 гг. по инициативе Института политических наук Парижа и Института Ф. Миттерана были организованы "круглый стол" и международный colloquium, посвященные первым годам президентства Ф. Миттерана, на которых автор статьи выступал с докладами на тему о том, как в СССР восприняли избрание и первые мероприятия правительства Ф. Миттерана⁴.

Продолжая тему развития советско-французских отношений в годы правления М.С. Горбачева и Ф. Миттерана, в настоящей статье мы попытаемся, опираясь на документы, полученные в Фонде Горбачева и Институте Ф. Миттерана, многие

из которых впервые вводятся в научный оборот, показать, как складывались взаимоотношения двух лидеров, какие проблемы межгосударственных отношений волновали их в первую очередь и как они вырабатывали механизм принятия совместных политических решений.

* * *

Первая встреча М.С. Горбачева и Ф. Миттерана произошла в 1984 г., в рамках официального визита в нашу страну французского президента. Затем, 13 марта 1985 г., после похорон тогдашнего главы СССР К.У. Черненко, между ними состоялась вторая встреча. Будучи избранным Генеральным секретарем КПСС и соответственно руководителем Советского Союза в апреле 1985 г., в октябре того же года М.С. Горбачев совершил свой первый официальный визит во Францию. Таким образом, Франции выпала честь быть первой западной страной, которую посетил лидер СССР. В свою очередь Ф. Миттеран был первым западным главой государства, приглашенным М.С. Горбачевым в Москву в 1986 г. Взаимные визиты происходили затем регулярно. Горбачев побывал в Париже в 1989, 1990, 1991 гг., Миттеран - соответственно в Москве в 1988 и 1990, встречался с Горбачевым в Киеве в 1989 г. Кроме того, в Фонде Горбачева сохранились записи нескольких телефонных разговоров между ними, состоявшихся в 1989 - 1991 гг. по инициативе Ф. Миттерана. Говоря словами французского президента, оба лидера являлись «константами мировой политики», которые стояли у истоков многих новых тенденций и от которых многое зависело⁵.

Комментируя свою первую встречу с М.С. Горбачевым, Ф. Миттеран признавался, что тот его сразу же «поистине впечатлил»⁶. В интервью французским журналистам в ноябре 1989 г. Ф. Миттеран рассказывал, как впервые увидел Горбачева в 1984 г. в Москве, на обеде в Кремле. Тогда уже, по словам Миттерана, он «отметил удивительную свободу высказываний у Горбачева, по сути номера второго в партии». Миттеран вспомнил, что уже в то время в присутствии Черненко Горбачев говорил открыто о плачевных результатах в сельском хозяйстве, причем, хотя и в шутливой форме, но отметил, что эти плачевные результаты - следствие чрезмерной централизации, сковывающей личную инициативу и существовавшей всегда⁷. Значение второй встречи, длившейся 45 минут, после вереницы подобных Миттеран видел в «создании климата, тона, типа отношений»⁸. Здесь М.С. Горбачев принял предложение французского президента посетить его страну. Во время пребывания в Париже с официальным визитом в октябре 1985 г. М.С. Горбачев и Ф. Миттеран имели 7 - 8-часовую беседу с глазу на глаз, после которой, по их заявлениям французским журналистам, Ф. Миттеран отправил письмо со своими впечатлениями западным партнерам, в том числе и Р. Рейгану. Содержание письма оставалось неизвестным широкому слою населения, но президент намекнул, что в нем шла речь об ускорении переговоров с М.С. Горбачевым⁹.

Между тем развитие советско-французского диалога было нелегким для обеих стран. Новым лидерам пришлось начинать с нуля, так как взаимоотношения СССР и Франции после 1979 г. оказались фактически «замороженными» в силу ряда причин. Во-первых, Ф. Миттеран резко осудил Советский Союз за ввод войск в Афганистан и размещение ракет СС-20 в Прибалтике и Восточной Европе; во-вторых, при нем усилилась критика СССР за нарушение прав человека в стране; в-третьих, советские лидеры явно продемонстрировали свои симпатии по отношению к кандидатуре В. Жискара д'Эстена во время избирательной кампании 1981 г.; в-четвертых, правящие круги Советского Союза поддерживали французских коммунистов, покинувших правительство левых сил в 1984 г., и во многом сверяли с ними свои критические оценки политического курса Ф. Миттерана.

Так, накануне поездки в Париж, в сентябре 1985 г., М.С. Горбачев беседовал с генеральным секретарем ФКП Ж. Марше, который неоднократно подчеркивал, что «Миттеран служит интересам крупного капитала», что он постоянно «хитрит» во внешней политике в отличие от Рейгана, который «говорит открыто», тогда как на деле в этой сфере «сейчас речь идет об отказе от всех обязательств, взятых Францией до 1981 г.»¹⁰. М.С. Горбачев заверял Ж. Марше: «Я ведь еду не к Миттерану, а во Францию, говоря между нами... Его, Миттерана, политическое лицо нам ясно. Миттерану нужна поддержка его репутации. Наша задача - использовать эту его заинтересованность в наших интересах, ...чтобы создать определенные трудности администрации США... Европейское направление для нас важно. Мы хотим использовать все имеющиеся резервы, не испытывая, конечно, никаких иллюзий в отношении Миттерана, Коля, Тэтчер»¹¹. Следует учитывать также тот факт, что в это время М.С. Горбачев оставался генсеком КПСС, поэтому в их совместных рассуждениях с Ж. Марше как продолжение вечной дискуссии между коммунистами и социалистами сквозила мысль о том, что «ничего хорошего нельзя ждать от социал-демократии», и это убеждение автоматически распространялось на социалиста Миттерана¹². По свидетельству В.В. Загладина, ставшего ближайшим советником Горбачева, «подобные старые идеологические предрассудки» были преодолены лишь в 1987 - 1988 гг.¹³ В этой связи не случайными выглядят два документа, составленные помощниками М.С. Горбачева А.С. Черняевым и В.С. Гусенковым в 1988 г., в момент начала борьбы Ф. Миттерана за его переизбрание на пост президента и обсуждения вопроса о предстоящем визите главы СССР во Францию. А.С. Черняев предлагал обойтись без встречи на высшем уровне до избрания нового французского президента. В.С. Гусенков, признавая, что «вряд ли встреча с Миттераном даст весомые конкретные результаты», отмечал, что «контакт важен» и что «кое-какие позиции Миттерана... небезразличны» для советского руководства¹⁴. В.С. Гусенков давал не очень лестный отзыв о Миттеране: «Характер Миттерана - скрытный, злопамятный и мстительный. Этому его научили в школе иезуиты»¹⁵. Он, конечно, вскоре поймет, что Франция нам пока не нужна. Мы ее демонстративно обходим с флангов (ФРГ, Испания, Италия, Брита-

ния, Северная Европа). Все это может создать дополнительные трудности в отношениях с Францией»¹⁶. В то же время Гусенков подметил, что Миттеран «к Михаилу Сергеевичу питает уважение, какую-то расположенность»¹⁷.

В действительности, чувства взаимоуважения, понимания и принятия друг друга, а также уверенность, что сообща им удастся внести существенные коррективы в меняющийся мир, М.С. Горбачев и Ф. Миттеран особенно стали выражать с 1989 г. Например, в беседе с министром иностранных дел Франции Р. Дюма Горбачев заявлял: «Главная отличительная черта советско-французского диалога - это его высокий интеллектуальный уровень. Другие народы, государства могли бы «заменить» Францию в тех или иных областях, но в том, что касается философского уровня и мышления, нашим приоритетным партнером, безусловно, является Франция, ее нынешнее руководство. Даже в период сбоев в наших отношениях в СССР, как и во Франции, чувствовалось: нам нужна Франция, а Франции нужны мы»¹⁸. Миттеран не менее восторженно отзывался о своем советском партнере, подчеркивая, что «достаточно уже того, что у них с Горбачевым хорошее взаимопонимание», и верно то, что «Горбачев демонстрирует по отношению к Франции особое внимание, уходящее своими корнями в века, когда Франция и Россия были мостом равновесия в трудные исторические моменты». Затем Миттеран провозглашал, что надо СССР считать партнером, а не врагом, а про Горбачева и возникшие перед нашей страной проблемы он сказал: «Горбачев - человек, который смотрит далеко вперед... Надо дать ему время передохнуть. Его страна огромная... трудно ею управлять!... Историческая роль Горбачева должна быть отмечена. Завоеванные свободы ему дорого стоят... Я надеюсь, что он будет поддержан. Его нужно поддержать!... Он лучший строитель»¹⁹. Примеры можно продолжить, в обоих доступных нам архивах имеется немало им документальное подтверждение.

Какие же проблемы международного характера пытались сообща решать Горбачев и Миттеран? Одним из главных вопросов их диалога был вопрос о разрядке и разоружении в мире. Миттеран всячески приветствовал инициативы Горбачева в этой области. Одновременно французский президент постоянно подчеркивал, что «если Франция выступает за разоружение, то это не означает, что она собирается отдать решение вопроса о своей национальной независимости на суд советско-американских переговоров, идущих в настоящее время, на которых она не представлена и которые не имеют никакого отношения к ее вооруженным силам»²⁰. Для советского руководства такая позиция Франции не вызывала осложнений, так как в целом она не оказывала никакого влияния на развитие советско-американских отношений и потепление международного климата в целом, завершившегося в конечном итоге окончанием холодной войны в 1989 г. С этого момента возникли проблемы у Франции. По меткому замечанию английского историка Дж. Кигера, «холодная война была для французов хорошей, потому что давала их стране свою нишу: посредницы между Востоком и Западом, адвоката

более мелких государств»²¹. В новых условиях Франции пришлось пересмотреть свои планетарные амбиции и смириться с положением страны среднего уровня ответственности в международных отношениях²². Принимая во внимание критику Ф. Миттерана со стороны своих соотечественников за то, что «Париж отстал на одну войну»²³ (имеется в виду, что он проиграл холодную войну. - Г.К.), нельзя не согласиться с выводом Е.О. Обичкиной о том, что «реальность была такова, что США и Германия - две державы, получившие главные дивиденды от окончания холодной войны, оттеснили Францию с авансцены международной политики»²⁴.

Особенно отчетливо это проявилось в развитии ситуации в Европе, которая составила второй круг проблем советско-французского диалога, где в свою очередь можно выделить три аспекта: объединение Германии, крушение социализма в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и «европейское строительство». М.С. Горбачев в беседах с французскими лидерами неоднократно подчеркивал значимость европейского направления для советской внешней политики и важную роль, которая отводится в ней Франции. Например, министру иностранных дел Франции Ж. Рамону в 1986 г. он говорил: «Мы европейцы. Мы и дальше будем отдавать приоритет европейскому направлению. Именно так мы и будем действовать. Мы разделяем точку зрения французского руководства относительно того, что Европа может и должна внести свой конструктивный вклад». В том же году во время встречи с Миттераном в Москве глава Советского государства настаивал на том, что «Европа могла бы сыграть важную роль в изменении к лучшему ситуации на переговорах в Женеве с перспективой добиться там позитивных результатов». Когда встреча продолжилась на расширенном уровне, Горбачев повторил: «У нас есть общее понимание необходимости улучшения политического климата на Европейском континенте. СССР и Франция могут вносить значительный вклад в решение европейских проблем. Роль Европы может быть новаторской, позитивной и весьма важной»²⁵. Ф. Миттеран солидаризировался с главой Советского Союза. Во время беседы двух лидеров на Байконуре в связи с запуском советско-французского космического экипажа в 1988 г., текст которой, помеченный грифом «секретно», хранится среди документов Фонда Горбачева, он, в частности, говорил: «Есть определенные реакционные силы, которые подталкивают нас к тому, чтобы разворачивать интеграционные процессы ради обособления Восточной Европы. Такую точку зрения я не разделяю. Вы сами, господин Горбачев, говорите о Европе как о нашем общем доме»²⁶. В следующем году, касаясь европейской проблемы, Миттеран предложил сначала создать «солидные, конструктивные мирные франко-советские отношения»²⁷. Наконец, в 1990 г., когда рухнула Берлинская стена и между ведущими державами мира полным ходом шло обсуждение вопроса об объединении Германии, Ф. Миттеран настаивал на том, что «два полюса - Москва и Париж - должны играть историческую роль как факторы европейского равновесия»²⁸.

Однако планам французского президента не суждено было сбыться. Для Советского Союза приоритетным партнером в европейских делах являлась Германия. По свидетельству А.С. Черняева, в 1986 – 1988 гг. Горбачев с немцами встречался чаще, чем с другими²⁹. Беседу М.С. Горбачева с Г. Коллем в Екатерининском зале Кремля 28 октября 1988 г. Черняев называет «переломной», после нее лидеры перешли на «ты» (от себя заметим, что Миттеран и Горбачев всегда оставались на «Вы»)³⁰. Помощники М.С. Горбачева неоднократно советовали ему не ставить на французскую карту в европейской игре. Тот же Черняев писал в сентябре 1988 г.: «Миттеран тревожится, как бы ему не остаться на обочине. Но от Франции мало нам толку»³¹. В.В. Загладин, докладывая о результатах своих международных встреч в Париже и Бонне, констатировал: «Не отрицая роли Франции, собеседники (особенно в неофициальных беседах) выстраивают такую схему: есть «оси» европейского строительства: СССР - ФРГ и ФРГ - Франция; конечно, нужно общее взаимодействие, но, мол, с Францией ФРГ будет работать «на Запад», а в общеевропейском плане важнее отношения ФРГ и СССР»³².

Ф. Миттеран не скрывал, что он «не хотел, чтобы обстоятельства так быстро повели к объединению Германии»³³. Для того чтобы выяснить позицию М.С. Горбачева по этому вопросу, в начале декабря 1989 г., вскоре после падения Берлинской стены, он специально прилетал на встречу с ним в Киев³⁴. Однако разрешение германской ситуации пошло не по французскому сценарию. Единственным вкладом Ф. Миттерана в урегулирование германской проблемы в рамках советско-французского диалога можно считать тот факт, что в беседе от 25 мая 1990 г. ему удалось доказать Горбачеву, что «альтернативы согласию на членство Германии в НАТО у него нет»³⁵.

Судьба стран ЦВЕ тоже решалась без активного участия СССР и Франции. Для М.С. Горбачева это был осознанный акт. По свидетельству А.С. Черняева, Горбачев не собирался возглавлять перестройку во всем социалистическом лагере, о чем дал понять лидерам стран Варшавского договора на встрече в дни похорон К.У. Черненко³⁶. Позиция Миттерана в отношениях со странами ЦВЕ тоже была довольно четко очерчена. Провозглашая, что «рад тому, что рушатся старые коммунистические режимы в Европе» и «открываются новые горизонты» на континенте, он подчеркивал при этом, что «границы должны остаться неизменными, за исключением Германии», что «другие государства являются лишь свидетелями процесса, взволнованными, заинтересованными, заботящимися о том, чтобы равновесие в Европе не было нарушено», наконец, что он не претендует «своими визитами поменять сущность правящих режимов в Восточной Европе»³⁷. Делая определенные реверансы в адрес стран ЦВЕ и заявляя, что «переход к демократическим ценностям делает их привилегированными партнерами Сообщества»³⁸, Ф. Миттеран отстаивал принципы сохранения территориальной целостности и неделимости сложившихся государств. «Перед завтрашней Европой, - говорил французский президент М.С. Горбачеву в мае 1991 г., - может возникнуть

несколько опасностей. Страны ЦВЕ (кроме Вашей) достаточно слабы. Каждая из них может вступить на путь поиска неупорядоченных соглашений или же оказаться в трагической изоляции. Вторая - развал многих из этих стран, а в результате - дробление всей Европы, ее превращение в хаос государств, из которых ничего не слепишь. Одновременно каждая из этих стран будет стремиться обеспечить свою безопасность на путях соглашения с НАТО. В результате у Советского Союза усилится чувство изоляции или даже возникнет ощущение окружения. Это отнюдь не будет благоприятно для Европы»³⁹. Как показало дальнейшее развитие событий в мире, многие из этих опасений Ф. Миттерана оказались пророческими.

Тот же принцип неделимости глава французского правительства отстаивал и в отношении СССР. Беседуя с М.С. Горбачевым вскоре после путча 1991 г., Миттеран говорил: «Я рассуждал совершенно холодно: в интересах Франции, чтобы на Востоке Европы существовала центральная сила. Если будет распад, если вернуться к тому, что было у Вас до Петра Великого, это - историческая катастрофа и это противоречит интересам Франции... Я из тех, кто желает иметь в Вашем лице сильный партнерский новый Союз. Иначе что - Россия, Украина, Грузия, какие-то еще государства? В результате в Польше ситуация станет еще более нестабильной. То же можно сказать о Чехословакии, Венгрии... Я за то, чтобы за два-три года Ваша страна восстановилась на федеративно-демократической основе. Это наилучший выход для всей остальной Европы. Франция не будет способствовать центробежным силам... Прибалтийские страны должны стать независимыми. Это принципиальная позиция. Но надо все делать последовательно и постепенно... Сохранение Союза - это жизненная проблема для Европы». Затем Миттеран упомянул, что когда он в 1990 г. выдвинул идею создания европейской конфедерации, его во Франции стали спрашивать: «Как, Вы собираетесь создать это вместе с коммунистической Россией?». На что он отвечал: «Да, вместе с Россией, причем России самой решать, какой будет ее дальнейшая судьба»⁴⁰. Пожеланиям Миттерана тоже не суждено было сбыться. Более того, многие французские исследователи осуждают Ф. Миттерана за то, что он по сравнению с Дж. Бушем, Д. Мейджором, тогдашним лидером оппозиции в собственной стране Ж. Шираком промедлил с заявлением о поддержке Б. Ельцина в дни августовских событий 1991 г. в СССР и считают, что французский президент совершил стратегическую ошибку⁴¹. Возвращаясь к вышеприведенной цитате, мы попытаемся реабилитировать Ф. Миттерана, поняв логику его рассуждений. Являясь сторонником целостности СССР, он делал ставку на ее гарантов, а в случае с Б. Ельциным эта перспектива явно не просматривалась.

Развивая советско-французский диалог в контексте общей европейской политики⁴², Ф. Миттеран приложил немало усилий для того, чтобы добиться участия СССР в Европейском банке реконструкции и развития (ЕБРР), открытом по инициативе Франции в 1988 г. Тогдашний премьер-министр Франции М. Рокар в беседе с Горбачевым признавался: «Наша долгосрочная стратегия заключается в

том, чтобы ослабить американское доминирование в Европе. Это относится и к валютно-финансовой сфере. Мы хотим создать реальный противовес американскому доллару»⁴³. Нельзя не отметить также, что каждая советско-французская встреча на высшем уровне завершалась подписанием многочисленных договоров о сотрудничестве в области экономики и культуры. Например, во время визита М.С. Горбачева в Париж в июле 1989 г. было подписано 22 соглашения в этой сфере и отмечалось, что уже действуют 24 совместных советско-французских предприятия⁴⁴. Однако если учесть, что в 1987 г. Миттеран признавал, что во внешней торговле Франции на долю СССР приходится лишь 1,3%⁴⁵, то можно предположить, что к 1989 г. ситуация не изменилась кардинальным образом. А с учетом объединения Германии и усиления ее мощи в Европе становится очевидным ее преобладающее влияние в развитии экономических связей с нашей страной. Вместе с тем нельзя умалять значения советско-французских культурных связей, которые всегда были и остаются на высоте, тем более что в 90-е гг. именно развитие многосторонних культурных связей в мире становится стержнем внешнеполитической стратегии Франции.

* * *

Говоря об итогах развития советско-французского диалога эпохи М.С. Горбачева и Ф. Миттерана, можно сделать следующие выводы. Во-первых, оба государственных политика, опираясь на личную симпатию, приложили немало усилий к тому, чтобы преодолеть охлаждение отношений между двумя своими странами, сложившееся к началу 80-х гг. Во-вторых, благодаря плодотворным действиям Горбачева и Миттерана СССР и Франция продолжали пытаться играть роль связующего моста в отношениях между Востоком и Западом. В-третьих, в условиях бурно меняющегося мира в конце XX в. советско-французские отношения все же не являлись доминирующими на международной арене.

➤ Примечания

¹ См., например: Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988; Он же. Как это было. М., 1999; Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993; Он же. М.С. Горбачев и германский вопрос // Новая и новейшая история. 2000. № 2; Дубинин Ю.В. Дипломатическая быль (Записки посла во Франции). М., 1997; Гриневский О.А. Как Горбачев приступал к внешней политике. Записки дипломата // США. Канада. Экономика, политика, культура. 2000. № 5; Mitterrand F. Réflexions sur la politique étrangères France. P., 1986; Item: Mémoires interrompus. P., 1994; Attali J. Verbatim. 3 vol. P., 1993 - 1995; Védérine H. Les Mondes de François Mitterrand. P., 1996 и др.

² В 1996 г. в Париже открылся Институт Ф. Миттерана, куда помещен личный архив Ф. Миттерана и где автору удалось поработать; в Москве действует Фонд М.С. Горбачева, где хранятся архивные документы, переданные им лично и его ближайшими помощниками - А.С. Черняевым и В.В. Загладиным. С документами этого архива

автору также представилась возможность ознакомиться. Следует подчеркнуть, что в Российском архивном законодательстве существует правило, по которому документы выдаются исследователям спустя 20 лет после прошедших событий, поэтому в архиве МИД РФ, в ЦХСД (бывший архив ЦК КПСС), в РЦХИДНИ (бывший архив Института марксизма-ленинизма) интересные документы пока недоступны.

³ См., например: Болдин В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. М., 1996; Грачев А.С. Дальше без меня... уход президента. М., 1994; Лещук Ю. Горбачев: промежуточная оценка // Власть. 1997. № 12; Дашичев В. О том, как это было // Свободная мысль. XXI. 2000. № 2; Борко Ю., Загоский А., Караганов С. Общий европейский дом. М., 1991; Зуева К.П. Эволюция восточной политики Франции // Новое в «восточной политике» стран Запада. М., 1991; Михеев В.С. США, Франция и европейская безопасность (1958 - 1992). М., 1993; Обичкина Е.О. Франция в новом мировом порядке: внешняя политика конца 80-х - 90-х годов. М., 2000. Becker J-J. Crisses et alternances, 1974 - 1995. P., 1995; Colombiani J-M. et Portelli H. Le double Septennat de François Mitterrand. P., 1995; Favier P. et Martin-Roland M. La Décennie Mitterrand. 3 vol. P., 1990 - 1996; Le Dossier Mitterrand // L'Histoire. 2001. № 253 и др.

⁴ Материалы выступлений см.: Berstein S., Milza P., Bianco J-L. (s.l.d.) François Mitterrand. Les années du changements. 1981 - 1984. P., 2001.

⁵ Фонд Горбачева (далее - ФГ). Ф. 1. Оп. 1. Следует отметить, что документы фонда переведены в электронный вариант, и мы не можем указывать ни номер дела, ни номер листа по причине их отсутствия.

⁶ О своем впечатлении от М.С. Горбачева президент Франции поведал в июле 1984 г. В.В. Загладину, тогдашнему первому заместителю начальника отдела международных отношений ЦК КПСС, во время их беседы на даче Ф. Миттерана в Лаче. В.В. Загладин вспоминал об этом во время дебатов на международном коллоквиуме 1999 г., посвященном Ф. Миттерану (см.: Berstein S., Milza P., Bianco J-L. Op. cit. P. 313).

⁷ Institut F. Mitterrand. Politique et Société - La Documentation française. Vol.: Déclaration du président. Microfiche: 89-7-0014; F02. (далее – ИФМ. Microfiche:...).

⁸ ИФМ. Microfiche: 85-7-0654; A08.

⁹ Ibidem.

¹⁰ ФГ. Ф. 1. Оп. 1.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Berstein S., Milza P., Bianco J-L. Op. cit. P. 312.

¹⁴ ФГ. Ф. 2. Оп. 1.

¹⁵ На самом деле, как поясняет сам Ф. Миттеран, он «учился в частной католической школе, некоторые преподаватели в ней были сельскими священниками. Это не была школа мысли, там был совсем другой настрой, чем у иезуитов» (Франсуа Миттеран. Эли Визель. Воспоминания на два голоса // Иностранная литература. 2001. № 2. С. 242).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ФГ. Ф. 1. Оп. 1.

¹⁹ ИФМ. Microfiche: 89-7-0016; A01.

²⁰ Там же. 86-7-0001; C12.

²¹ Из выступления Дж. Кигера на международной конференции «Окончание холодной войны и формирование нового мирового порядка», состоявшейся 4 - 7 апреля 2001 г. в МГИМО (Университет) - Архив автора.

²² Подробнее см.: Обичкина Е.О. Указ. соч. С. 25-42.

²³ Moreau Defarge Ph. Tenir son rang // L'Etat de la France 1995 - 1996. P., 1996. P. 590.

²⁴ Обичкина Е.О. Указ. соч. С. 26.

²⁵ ФГ. Ф. 1. Оп. 1.

²⁶ Там же.

²⁷ ИФМ. Microfiche: 89-7-0009; F02.

²⁸ ФГ. Ф. 1. Оп. 1.

²⁹ Черняев А.С. М.С. Горбачев и германский вопрос... С. 108.

³⁰ Там же. С. 110. В то же время А.С. Черняев пишет, что сам Горбачев заявлял тогда, что перелома не наступило, но дан сильный толчок для движения вперед на направлении европейской и международной политики.

³¹ ФГ. Ф. 2. Оп. 1.

³² Там же. Ф. 3. Оп. 1.

³³ Там же. Ф. 1. Оп. 1.

³⁴ Подробнее см.: Черняев А.С. М.С. Горбачев и германский вопрос... С. 112-113.

³⁵ Там же. С. 115.

³⁶ Там же. С. 107.

³⁷ ИФМ. Microfiche: 89-7-0014; F02; Microfiche: 89-7-0016; A01; Microfiche: 89-7-0015; F09; Microfiche: 89-7-0015; F09; Microfiche: 89-7-0003; B08.

³⁸ Microfiche: 89-7-0009; C08.

³⁹ ФГ. Ф. 1. Оп. 1.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См., например: Lecompte B. Le Bunker. P., 1994. P. 233; Moreau Defarge Ph. Op. cit. P. 589; Moisi D. De Mitterrand à Chirac // Politique étrangère. 1995. № 4. P. 852.

⁴² О позиции Ф. Миттерана в деле «европейского строительства» см.: Канинская Г.Н. «Общий европейский дом» 80-х: позиция Ф. Миттерана // Проблемы новой и новейшей истории. Вып. 2. Ярославль, 2001. С. 17-27.

⁴³ ФГ. Ф. 1. Оп. 1.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ ИФМ. Microfiche: 87-7-0018; B01.

Т.М. Гавристова

Франц Фанон: интеллектуал, пророк, "Гражданин мира"

Имя Франца Фанона - выдающегося деятеля освободительного движения, философа, врача, психоаналитика, "гражданина мира" - известно в настоящее вре-

мя узкому кругу специалистов, интересующихся главным образом проблемами стран "третьего мира". Во второй половине XX века творческое наследие Ф. Фанона неоднократно подвергалось переосмыслению, и каждый раз исследователи открывали для себя нечто новое. Ф. Фанон во многом опередил свое время. Он получил международное признание за анализ таких явлений, как расизм и колониализм. Созданная им теория "насилия" была взята на вооружение "новыми левыми" и широко тиражировалась в 60-е гг. Трактовка Ф. Фаноном категории насилия в физическом, психологическом и структурологическом смысле вызывала интерес. Насилие, по его мнению, было допустимо как контрнасилие, как ответная реакция на жесткую политику со стороны властей. Однако мало кто обращал внимание на то, что "сила" Ф. Фанона сродни "ненасилию" - сила справедливости, чистоты и бескомпромиссности¹. По словам жены, Ф. Фанон "сделал все, чтобы заставить людей поверить в возможность утверждения свободы, равенства, братства, любви, что нет пределов для самосовершенствования и человек может стать человеком, а не пародией на самого себя"². Он выступал за мир без насилия, эксплуатации и расизма.

Большинство авторов, изучавших биографию и творческое наследие Ф. Фанона, концентрировали внимание на его социально-политических воззрениях, ограничивались рассмотрением проблем, связанных с подъемом освободительного движения в колониях, возникновением новых идейных течений, ставших стратегией развития суверенных государств Африки. В 60 - 70-е гг. эти темы относились к разряду "конъюнктурных". Среди интеллектуалов были популярны идеи "афрооптимизма". Мало кто сомневался, что, освободившись от колониальной зависимости, Африка превратится в "цветущий оазис" благодаря политике правителей и помощи извне.

Ф. Фанон был оригинальным мыслителем, что затрудняло возможности адекватной оценки его вклада в развитие науки и общественно-политической теории. Во-первых, среди его биографов преобладали философы и политологи. Их знания в области психологии ограничивались в лучшем случае школьным или университетским курсом - весьма поверхностным знакомством с сюжетами, необходимыми в процессе преподавания и общения с людьми. Первые попытки изучения вклада Ф. Фанона в развитие психоанализа были предприняты в 70 - 80-е гг. Многие из того, что он внедрил в психиатрической больнице Блиды (Алжир), в 70-е гг. - после его смерти - стало практиковаться в США, в лечебницах для черных.

Во-вторых, Ф. Фанон специализировался в узкой области науки, именуемой "адаптационной психиатрией". Его исследования касались негров "группы риска", оказавшихся в "пограничной ситуации" в обществе белых. Он впервые сделал объектом изучения невроты, возникавшие на почве расизма. Мало кто из исследователей обращал внимание на проведенный им гигантский труд: кропотливое и целенаправленное обследование условий жизни и быта пациентов в целях определения истоков их отчужденности - неадекватного поведения и возможных путей

устранения тех явлений, которые вызывали обострение заболевания. Только врачи могли осознать уникальность такой работы, тем более что проводилась она в 50-е гг.

Увлечение наукой пришло к Ф. Фанону не сразу. К моменту поступления на медицинский факультет Лионского университета он успел попробовать себя в разных сферах: в 1944 - 1945 гг. служил во французской армии, воевал в Северной Африке и Европе, был ранен и награжден за храбрость орденом "Крест героя". После окончания второй мировой войны, вернувшись домой, чтобы поддержать на выборах своего учителя и друга Э. Сезэра, одного из "отцов"-создателей негритюда (теории реабилитации расового сознания негров), выдающегося поэта и интеллектуала, выдвинутого от Коммунистической партии кандидатом в Национальную Ассамблею, ему удалось получить стипендию для обучения во Франции. Он предпочел Лион Парижу, объясняя свой выбор тем, что в столице "слишком много негров и слишком много дураков" - его раздражало, что там оказалась сосредоточена молодежь из состоятельных африканских семейств, представители которых «хотели быть "французами" больше, чем сами французы"»³.

В Лионском университете Ф. Фанон занимался не только медициной. Его увлекали философия и литература. Он слушал лекции на филологическом факультете, читал Ф. Ницше, Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса, В.И. Ленина, Ж.-П. Сартра, участвовал в издании газеты "Там-Там", написал несколько пьес, которые остались неопубликованными. В Лионе ему пришлось общаться с иммигрантами из Северной Африки. Они стали объектом его научных исследований. В 1952 г. в журнале "Еспри" Ф. Фанон опубликовал статью "Североафриканский синдром", в которой проанализировал случаи специфических отклонений, присущих североафриканским иммигрантам, из собственной медицинской практики⁴.

В 1951 г. Ф. Фанон завершил работу над диссертацией "История болезни Фридриха". Возможности трудоустройства во Франции были ограничены. В Лазарете Святого Элбана ему довелось работать бок о бок с испанским эмигрантом, доктором Ф. Тоскалем, знатоком социальной терапии. Ф. Фанон называл его учителем. Ему нравилось работать вместе с ним, однако он надеялся получить должность в Африканском госпитале и лечить негров, чтобы реализовать себя. За рекомендацией Ф. Фанон обратился к Л. Сенгору, известному во Франции поэту, влиятельному политическому деятелю, ставшему впоследствии президентом Сенегала, но отклика не последовало. Тогда он принял предложение французского генерал-губернатора Алжира Р. Лакоста и отправился в Блиду - самую крупную по числу пациентов в Африке психиатрическую больницу, где работал в 1953 - 1957 гг. Теперь она носит его имя.

В Блиде Ф. Фанону удалось предпринять ряд нововведений, получивших высокую оценку со стороны специалистов. Он отказался от поголовной госпитализации, расширил практику амбулаторного лечения. Если имелись возможности, пациента оставляли дома, в привычной обстановке, пытаясь исключить из его

обихода то, что могло вызвать ухудшение состояния. С одной стороны, эти меры объяснялись нехваткой так называемых койко-мест, с другой - стремлением избавить больного от состояния подавленности, угнетенности, возникавшего в условиях изоляции. Ф. Фанон предпринял послабление режима для тех, кто не отличался повышенной возбудимостью и агрессивностью. Они получили право на прогулки. Их палаты разрешалось оставлять открытыми. Белые уравнивались в правах с цветными. По инициативе Ф. Фанона было проведено анкетирование пациентов, обследование условий их жизни. Анализ социокультурных параметров проливал свет на истоки болезни, позволял назначать перспективное лечение. Долгие беседы с пациентами о детских и юношеских годах, о сексуальном опыте, семейных драмах и конфликтах вне дома активно внедрялись в лечебную практику. Все это нашло отражение в историях болезни. Ф. Фанон большую часть наблюдений и выводов выносил на страницы своих произведений.

Первая его большая работа "Черная кожа, белые маски" вышла в свет в 1952 г. в Париже с предисловием философа-экзистенциалиста, левого радикала Ф. Жансола. Книгу называли исповедью целого поколения африканских интеллектуалов⁵. В ней был дан научный анализ психики человека черной расы, оказавшегося в неадекватной среде - в западном обществе, где он неизбежно сталкивался с проявлениями расизма. Критически переосмыслив труды Ф. Ницше, З. Фрейда, Ж.-П. Сартра, Ф. Фанон пришел к выводу о невозможности разрешить расовые проблемы с помощью теории психоанализа. Утверждая, что "мира белых, этики белых, так же как и интеллекта белых, не существует"⁶, он объяснял неадекватность поведения чернокожих комплексом неполноценности и прослеживал его проявления на примере благополучной, интегрированной в западное общество интеллигенции из французских колоний. Он хорошо знал эту среду и сам принадлежал к ней.

В книге автор выделил две проблемы. Первая - "изоляция негров в своей черноте" и пути потенциального "отбеливания", наиболее вероятные из которых, по его мнению, лежали в сфере образования. Религиозное (христианское) воспитание он рассматривал как эффективное "отбеливающее" средство. Язык Ф. Фанон считал важнейшим инструментом ассимиляции и едва ли не главным препятствием на пути адаптации в чуждой социокультурной среде. Вторая - возникновение неадекватной реакции в среде чернокожего населения на все африканское и неафриканское. Автор назвал ее "про-белой анти-черной паранойей". Особый интерес у него вызывали психозы детей - в силу возраста и эмоционального состояния. В ходе воспитания они усваивали распространенные в христианской литературе сюжеты, в которых порочность, греховность олицетворялась с силами зла (чернотой), а чистота, истина, разум - с силами добра. Их преподносили чернокожим детям в школах и в церкви, что вызывало неадекватную реакцию. Ребенок стремился к совершенству, хотел стать справедливым, честным, сильным, но ему предлагалось считать героем белого, что порождало у него желание "побелеть". Подобным пси-

хозам оказались подвержены и взрослые. В книге Ф. Фанон рассматривал случай, когда чернокожая женщина, живущая с белым мужчиной, считала, что "побелела". Однако гораздо важнее было то, что в среде негров, получивших европейское воспитание и образование, сложились представления об "ущербности" африканской культуры, и, оказавшись в обществе, инфицированном расовыми предрассудками, они стремились облачиться в "белую маску". Это приводило к обострению конфликта с собой и обществом, и тогда, по мнению Ф. Фанона, едва ли не самым распространенным путем выхода из "пограничного состояния" являлась реабилитация "черной кожи", примером чему стал негритюд - "учение, возникшее в африканской диаспоре под воздействием холодного климата и достижений научно-технического прогресса"⁷. И хотя отношение к нему, как и к одному из его "отцов-создателей" - Л. Сенгору, в среде интеллектуалов было неоднозначным, Ф. Фанон, подобно Ж.-П. Сартру, считал, что оно привело в чувство немалое количество африканцев и стало мощным стимулом к борьбе за освобождение.

Пробуждение расового самосознания в среде диаспоры Ф. Фанон связывал с формированием чувства собственного достоинства, самоуважения, самолюбия. Страдая во Франции от отчуждения, он был озабочен "манией интеграции". Со временем его взгляды претерпели эволюцию. В разные периоды жизни Ф. Фанон причислял себя к сторонникам интеграции, конформистам - категории, наиболее удобной для неоднородного в расовом, этническом и культурном отношении общества, всеми силами стремящейся адаптироваться, добиться расположения и сочувствия, исключительно приветливой и доброжелательной по отношению к окружающим и живущей по принципу: "Если хочешь быть с ними, будь как они!"⁸, к сторонникам идей солидарности чернокожего населения, руководствовавшимся лозунгом: "Если не можешь быть, как все, оберегай себя!"⁹, среди которых преобладали подобные ему самому не сумевшие найти "место под солнцем", разочаровавшиеся "интеграционисты": ученые, публицисты, поэты, писатели, склонные к мессианству, внезапно вспомнившие о своей "черноте". Их образ жизни и стиль мышления, как правило, укладывался в формулу "Не можешь быть с ними, будь в кругу себе подобных!" или, по крайней мере, "будь самим собой!". К этому типу вполне можно отнести стоявших у истоков создания негритюда Э. Сезэра и Л. Сенгора, президента Ганы К. Нкруму и других. С Ф. Фаноном их объединяло исключительное чувство собственного достоинства, гордость за свое африканство. Они сознательно культивировали и демонстрировали его как альтернативу "белизне", одновременно стремясь и опасаясь "раствориться" в обществе "белых".

Ф. Фанон не признавал различий между расами, кроме ряда соматических признаков. Ему не пришло в голову проследить специфику неврозов, возникающих у белых, оказавшихся в среде чернокожих. Однако, избрав объектом исследований негра в обществе белых, он подчеркивал, что расизм наложил отпечаток на психологию тех и других и что "белый человек изолирован в своей белизне, черный - в своей черноте"¹⁰.

Ф. Фанон родился в семье французских патриотов 20 июля 1925 г. на Мартинике. Его отец был таможенным инспектором, мать содержала небольшую лавку. В семье было восемь детей. Пятеро получили образование во французских университетах. Их предки были вывезены из Африки в качестве рабов. После освобождения они ассимилировались и лояльно относились к колониальной администрации. Родители придерживались христианских традиций. Они были франкофонами и благословили сына, отправившегося служить во французскую армию. Защита Отечества, по их мнению, являлась святым долгом каждого мужчины, хотя на Мартинике назревало восстание и имелись реальные предпосылки освобождения от колониальной зависимости¹¹.

Наряду с воспитанием и образованием, одним из распространенных способов "побелеть" были браки. Найти спутницу жизни было непросто. Почти все биографы Ф. Фанона в той или иной мере уделяли внимание примерам его первых столкновений с проявлениями расизма, исходившими от женщин. В освобожденном от фашистских захватчиков городке вечером на площади, когда все ликовали и приветствовали победителей, звучала музыка, никто не хотел танцевать с чернокожими солдатами. В Лионе, где параллельно с Ф. Фаноном получали образование еще около двух десятков негров, сложно было обзавестись подружкой. Тем не менее его избранницей стала француженка по имени Мари Жозеф. С ней они учились в университете. В октябре 1952 г. она стала его женой.

Поиски идентичности не давали Ф. Фанону покоя. В силу происхождения он всегда оставался "своим среди чужих и чужим среди своих". Он ощущал свою "инакость" в рамках диаспоры и среди соотечественников жены. Однозначно идентифицировать себя с ними и даже просто ответить на вопрос: "Кто я в первую очередь?" - для него было трудно. Его мучило присущее интеллектуалам чувство вины за то, что, в отличие от других, ему удалось "выбиться в люди", избавиться от негативного к себе отношения, и время от времени на страницах своих книг, в беседах и интервью он вдруг вспоминал о том, что ему, как чернокожему, никто никогда не делал поблажек, что единственной защитой были знания, хорошие манеры и умение приспособливаться¹².

Осесть во Франции и стать французом Ф. Фанону не удалось - он стал "свободным гражданином Алжира". Однако и здесь свирепствовала "эпидемия" комплекса неполноценности. Занятия врачебной практикой увлекали его. Ситуация осложнялась тем, что чернокожий доктор подвергался дискриминации со стороны не только французов, но и арабов. По существу эксперимент в области социальной терапии завершился пробуждением политического сознания. Ф. Фанон начал сотрудничать с Фронтом национального освобождения Алжира. Его активность была замечена. В 1958 г. он был приглашен на конгресс panaфриканистов, в 1959 г. - выступал на съезде чернокожих писателей и художников в Риме. Контакты с лидерами национально-освободительного движения стали импульсом, без которого ему вряд ли удалось бы осмыслить процессы, происходившие в Африке. В беседах

рождались идеи и сюжеты будущих произведений. Ф. Фанон почувствовал себя "своим" в кругу тех, кто был озабочен судьбой континента. Свидетельством "прихода в себя" стала работа "Умирующий колониализм", опубликованная в 1959 г. В ней Ф. Фанон не ограничился анализом политической ситуации в "третьем мире". По его мнению, конфронтация представителей различных рас приводила не только к социальным конфликтам. Она оказывала влияние на человека, вызывая "ломку", подобную наркотической, в ходе которой чернокожие "срывали маску", демонстрируя собственное лицо. Ф. Фанон писал: "Негра создал белый. А негр создал негритюд"¹³ - и всемерно подчеркивал нежелательность подобного выхода из состояния внутреннего кризиса. Неоднозначное отношение к негритюду было вызвано, по крайней мере, двумя причинами. Во-первых, Ф. Фанон рассматривал проблему как психолог: быстрая смена настроений была чревата психическими расстройствами. Во-вторых, сказывалась личная неприязнь к Л. Сенгору. Деление общества на черных и белых представлялось Ф. Фанону условным. Он настаивал, что между расами больше сходства, чем различий, а термины "брат" и "сестра" употреблял по отношению к черным и белым.

В 50-х гг., по мнению А.В. Гордона, подвергнувшего взгляды Ф. Фанона детальному анализу, он был "свободно парящим интеллигентом", гуманистом¹⁴, а не революционером-радикалом. Объектом его изучения оставался человек. Ф. Фанона занимали корни отчуждения - проблемы ученого, доктора медицины, воспринимавшего европейскую культуру как средство борьбы со своей чернотой, и строителя, жертвы расизма. Для интеллектуалов "инакость" (непохожесть на других) была привычным состоянием. В творческом порыве они нередко возводили вокруг себя "башню из слоновой кости". Рабочим, ремесленникам, мастеровым было сложнее. Они чаще становились жертвами дискриминации, острее реагировали на ее проявления и в отличие от интеллектуалов не могли реабилитировать себя перед лицом белых при помощи книжной культуры.

Целый ряд факторов способствовал эволюции взглядов Ф. Фанона как идеолога национально-освободительного движения. Во-первых, горький опыт революции в Алжире, прекращение врачебной и научной деятельности из-за революционных событий отразились на его позиции. "Приход в сознание", демонстрацией которого стал выход в свет книги "Черная кожа, белые маски", ознаменовал собой появление интереса к политической деятельности. Борьба за свободу и независимость Алжира дала возможность почувствовать себя гражданином. Доказательством послужило издание книги "Умирующий колониализм". Эмоциональные и физические травмы (разрыв с Э. Сезаром в 1958 г., авария, длительное лечение в Тунисе и Риме в 1959 г., два покушения со стороны террористической группы правых экстремистов "Красная рука"), полученные в ходе революции, оказались настолько болезненными, что он почувствовал вкус к политическим действиям. Свидетельством явилась работа "Проклятьем заклейменные".

Во-вторых, Ф. Фанон остро ощущал свою "бездомность". Мартиникский интеллеktуал, получивший блестящее образование, сражавшийся во французской армии в годы второй мировой войны, состоявший в браке с француженкой, принявший алжирское гражданство, несмотря на знание механизмов адаптации, повсюду ощущал свою "инакость". Посещение Мартиники в 1951 г. тоже сыграло не последнюю роль. Он понял, что не сможет туда вернуться. По существу, он жил как "гражданин мира", и не случайно под закат жизни пришел к panaфриканизму - признанию необходимости сотрудничества и взаимовыгодного партнерства между африканскими странами. Эти идеи он высказал в работе "На пути к африканской революции"¹⁵.

В-третьих, "возвращение в расу" заставило его встать на путь реабилитации ценностей африканской культуры. Он изучал вклад африканцев в развитие мировой науки. И хотя ранее заявлял о своем негативном отношении к различного рода пророкам и пророчествам, мессианские настроения ему не были чужды. Не случайно сторонники афроцентризма - теории реабилитации чернокожего населения - называют его своим учителем, наряду с М. Гарвеем, У.Э.Б. Дюбуа, Л. Сенгором, М. Малькомом и М. Каренгой.

Учение Ф. Фанона изложено в ряде публикаций. В них затрагивались проблемы социальных отношений и психиатрии. В 1955 г. он суммировал свои знания в работе "Заметки по этнопсихиатрии". До него термин "энопсихиатрия" использовался для обозначения отрасли психологии, изучающей поведение туземцев (незападных народов), и являлся едва ли не "разделом зоологии"¹⁶. Ф. Фанону удалось придать ей статус альтернативной психологии: ее предметом стали африканцы.

К числу упомянутых весьма серьезных исследований Ф. Фанона можно добавить такие, как "Отношение мусульман Магриба к сумасшествию", "Использование методов социотерапии в клинических условиях (на примере мужчин-мусульман)", "Исповедь североафриканца", "Расизм и культура", "Год пятый Алжирской революции" и принесшую автору мировую известность книгу "Проклятьем заклейменные"¹⁷.

Она вышла в свет в Париже в 1960 г. (ее название переводили по-разному: "Проклятые земли", "Обездоленные") и была посвящена анализу жизни бесправных и обездоленных категорий населения, поработанных в процессе колониальных захватов, - африканцев. Книгу называли политическим завещанием Ф. Фанона, а процесс ее написания сравнивали с выбросом интеллектуальной энергии. Работа над ней длилась десять недель. Автор знал, что смертельно болен. Главной темой книги стала теория деколонизации. Д. Уоддис выражал восхищение пророчеством автора, сумевшим предвидеть многое из того, что обрело черты реальности после победы национально-освободительных революций¹⁸, однако это были предсказания "угрюмого пророка"¹⁹. Они касались коррупции, переворотов, нестабильности, экономической депрессии, политической апатии, хаоса. Ф. Фанон

предостерегал относительно особой опасности со стороны военных и излишней зависимости от иностранной помощи. Корни многих проблем он связывал с бедностью и социально-экономической отсталостью, с особой ролью субъективного фактора. По его мнению, после победы национально-освободительных революций лидеры неизбежно должны "отгородиться стеной" от проблем народа. Он так описывал возможные метаморфозы: "Партия превратилась в щит, отделяющий массы от руководителей. Нет больше никакой партийной жизни... После достижения независимости партия погружается в летаргию... Местные партийные руководители получают государственные посты, сама партия превращается в администрацию, а ее активисты растворяются в толпе... Партия становится средством для продвижения частных лиц по служебной лестнице... Растут привилегии, господствует коррупция... Партия, являющаяся орудием власти в руках буржуазии, усиливает этот аппарат и стремится сковать и лишить воли народ. Она все более и более явно превращается в антидемократическую силу - орудие принуждения"²⁰. Вкусившие власти "новые африканцы" и "хитрые интеллигенты" - псевдосредний класс, оформившийся искусственно под воздействием извне, - встанут "на путь грабежа национальных ресурсов. Они безжалостно используют бедственное положение страны, чтобы проложить себе путь наверх путем интриг, узаконенного грабежа, за счет импортно-экспортных объединений, компаний с ограниченной ответственностью, спекуляций на фондовой бирже или нечестного продвижения по служебной лестнице"²¹. Подобные перевоплощения, по мнению Ф. Фанона, неудивительны: любая революция неизбежно создавала героев и кумиров. Со временем, когда удача переставала им сопутствовать, становилось очевидным то, что "король голый". Присущая большинству африканских лидеров маргинальность мышления, приверженность различным, нередко крайне противоречивым идейным установкам и рекомендациям, исходящим от европейских, американских, афро-американских, азиатских демократов, либералов, социалистов, тоже не могли способствовать стабилизации ситуации. Нужны новые люди, образованные, не подверженные влияниям со стороны, свободные от всяких форм зависимости, в том числе и психологической, от Запада, призванные вывести континент из состояния кризиса. Ф. Фанон был абсолютно уверен, что идеалы нового общества следует искать в будущем, а не в прошлом, и для этого необходимо открыть новую страницу истории: разработать новые концепции, создать нового человека, лишённого комплекса неполноценности. По мнению Ж.-П. Сартра, автора предисловия к книге "Проклятьем заклейменные", в Африке появились такие мессии, способные учить и наставлять²². Одним из них он считал Ф. Фанона.

Отношение Ф. Фанона к Ж.-П. Сартру было противоречивым. Ф. Фанон многим был ему обязан, дорожил его мнением, считал своим учителем, однако никогда не забывал, что тот француз и интеллектуал, завидовал ему и понимал, что никогда не сможет возвыситься до него, не станет таким же, как он, интеллектуалом²³. Тем не менее именно к Ж.-П. Сартру Ф. Фанон обратился с

просьбой написать предисловие к книге "Проклятьем заклейменные". В 1962 г. она увидела свет на итальянском, в 1963 г. - на английском языках. Первые отклики на нее появились во французской прессе. Ее обошли вниманием, пожалуй, только в России, где в свое время вышло немало книг, принадлежавших перу лидеров освободительного движения. На русском языке издавались произведения К. Нкрумы, А. Кабрала и других политических и государственных деятелей стран "третьего мира". В процессе перевода они подвергались жесткой редакторской правке, чтобы усилить присутствие в них идей, заимствованных из социалистических учений, в том числе марксизма. Редактировать Ф. Фанона было трудно. Он зарекомендовал себя как независимый исследователь, интеллектуал, не желающий идти на поводу и отвергающий какие-либо целенаправленные влияния извне, считал закономерным отход африканских интеллектуалов от рабского следования традициям европейской культуры и видел в этом путь к освобождению²⁴. Он не был ни расистом, ни социалистом, ни националистом. В его произведениях подвергались критике социализм и капитализм, черные и белые, европоцентризм, афроцентризм и негритюд. Он отдавал предпочтение общечеловеческим ценностям и на их основе строил свою программу борьбы за освобождение Африки.

При жизни и после смерти Ф. Фанон был популярен в среде молодежи и политиков. Многие исследователи задавали себе вопрос о причинах устойчивого интереса к нему и его учению. В семье его не считали суперменом, хотя восхищались его бесстрашием, чувством юмора, работоспособностью (он мог трудиться семнадцать часов в сутки). Брат Джоби завидовал его привлекательности и успеху у женщин²⁵ и все же не замечал в нем ничего такого, что отличало бы его от других. Тем не менее популярность Ф. Фанона была огромна. Его ставили в один ряд с такими теоретиками и практиками революционного движения, как К. Маркс, Ф. Энгельс²⁶, Мао Цзэдун, Че Гевара²⁷, хотя он сам считал теорию вторичной по отношению к действию. После смерти Ф. Фанона в Милане открылся "Центр Франца Фанона", в Великобритании в память о нем был издан четырехтомник его сочинений, в США в 90-е гг. его книги издавались большим тиражом. Во Франции Ф. Фанон стал кумиром "новых левых". Его боготворили студенты и интеллектуалы. О нем снимали фильмы, экранизировали его произведения. Безусловно привлекательным было само содержание его учения. Такие идеи, как гуманизм, коллективизм, свобода, равенство, братство, разделяли многие. Все, кто когда-либо видел или слышал его, находились под обаянием его личности. Большую роль играли харизма и писательский талант. Сказывались знания психологии, умение привлечь слушателей во время публичных выступлений. Ч.Д. Фонтенот (Младший) пытался объяснить истоки небывалой популярности Ф. Фанона, не занимавшего каких-либо высоких государственных и политических постов, ораторскими способностями и присущим его произведениям изысканным литературным стилем. Язык Ф. Фанона, по мнению Ч.Д. Фонтенота, отличался образностью, парадоксальностью, четкостью и логичностью. Это был "язык искусства и математи-

ки"²⁸. О "стиле" следует упомянуть особо. Он был замечен биографами. П. Гейзмар в качестве эпиграфа к своей книге о Ф. Фаноне избрал следующее его высказывание: "Величие человека не в действиях, а в стиле. Жизнь - это не гонки по кругу, а медленная, не лишенная горечи череда взлетов и падений"²⁹. Стил был присущ ему во всем - в повседневной жизни и творческой деятельности, в одежде, поведении, общении с близкими, коллегами по работе, соратниками по борьбе. Он был эстет и любитель искусства. Его таланты проявлялись в различных сферах: он мог преуспеть как врач, ученый, политик, писатель и дипломат, а в 1960 г. был назначен послом в Гану. Однако дипломатической карьере Ф. Фанона не суждено было состояться. В Москве, в госпитале, где он обследовался и лечился от лейкемии, ему посоветовали оставить на время дела и пройти курс специальной терапии в США.

Ф. Фанон скончался в возрасте тридцати шести лет в Вашингтоне 6 декабря 1961 г. Похороны состоялись в Алжире. Жена и сын приняли алжирское гражданство.

Спустя почти четыре десятилетия после его кончины биографы Ф. Фанона по-прежнему пытаются ответить на вопрос, кем же на самом деле он был или, по крайней мере, кем ощущал себя - африканцем, французом, "гражданином мира", мессией, ученым, врачом. Однозначность в решении проблемы идентичности импонировала Ф. Фанону более всего. Выбор представлялся ему делом трудным, но обязательным. Нерешительность грозила серьезной морально-психологической травмой, сходной с раздвоением личности. Для себя он сохранял возможность манипулировать идентичностью в интересах дела и изначально считал себя французом, сформировавшимся в процессе "отбеливания", ученым, врачом, интеллектуалом, хотя многократные столкновения с проявлениями дискриминации и комплекс неполноценности и вины перед расой в конечном счете сделали из него африканца и "гражданина мира".

➤ Примечания

¹ International Tribute To Frantz Fanon. Record of the Special Meeting in the United Nations Special Committee Against Apartheid, 1978. 3 November, P. 3.

² Ibid. P. 30.

³ Jinadu L.A. Fanon. In Search of the African Revolution. L.; N.Y., 1986. P. 27-28.

⁴ Fanon F. North African Syndrome // Fanon F. Towards the African Revolution. N.Y., 1968. P. 3-16.

⁵ Подробнее см: Geismar P. Fanon. N.Y., 1971. P. 2; Гордон А.В. Проблемы национально-освободительной борьбы в творчестве Ф. Фанона. М., 1977. С. 3.

⁶ Fanon F. Black Skin, White Masks. L., 1968. P. 228-229.

⁷ Zahar R. Frantz Fanon: Colonialism and Alienation. Concerning Frantz Fanon's Political Theory. N.Y.; L., 1974. P. 62.

- ⁸ Wortham A. The Other Side of Racism. A Philosophical Study of Black Race Consciousness. Ohio, 1981. P. 143, 201.
- ⁹ Ibid. P. 279.
- ¹⁰ Fanon F. Black Skin, White Masks. P. 11.
- ¹¹ Zahar R. Frantz Fanon: Colonialism and Alienation. Concerning Frantz Fanon's Political Theory. P. VII-VIII.
- ¹² Fanon F. The Fact of Blackness // Anatomy of Racism / Ed. by T. Goldberg. Minneapolis; Oxford, 1992. P. 112-113.
- ¹³ Fanon F. Dying Colonialism. N.Y., 1967. P. 47.
- ¹⁴ Гордон А.В. Проблемы национально-освободительной борьбы в творчестве Ф. Фанона. С. 23.
- ¹⁵ Fanon F. Towards the African Revolution. N.Y., 1968.
- ¹⁶ McCulloch J. Black Soul White Artifact. Fanon's Clinical Psychology and Social Theory. Cambridge; L., 1983. P. 13.
- ¹⁷ Fanon F. The Wretched of the Earth (A negro psychoanalyst's Study of the Problems of Racism and Collonialism in the World Today). N.Y., 1966.
- ¹⁸ Уоддис Д. "Новые" теории революции. Критический анализ взглядов Ф. Фанона, Р. Дебре, Г. Маркузе. М., 1975.
- ¹⁹ McCulloch J. Black Soul white artifact. Fanon's Clinical Psychology and Social Theory.
- ²⁰ Цитирую по: Уоддис Д. "Новые" теории революции. Критический анализ взглядов Ф. Фанона, Р. Дебре, Г. Маркузе. С. 56-57.
- ²¹ Fanon F. The Wretched of the Earth. P. 73-75.
- ²² Sartre J.-P. Preface // Fanon F. The Wretched of the Earth. P. 7.
- ²³ Zahar R. Frantz Fanon: Colonialism and Alienation. Concerning Frantz Fanon's Political Theory. P. XIX.
- ²⁴ Fanon F. The Wretched of the Earth. P. 177.
- ²⁵ Geismar P. Fanon. N.Y., 1971. P. 3.
- ²⁶ Sartre J.-P. Preface // Fanon F. The Wretched of the Earth.
- ²⁷ Fontenot Ch.J., Jr. Frantz Fanon: Language as the God Gone Astray in the Flesh. Univ. of Nebraska, 1979. P. 1.
- ²⁸ Ibid. P. 61.
- ²⁹ Geismar P. Fanon.

Британские либералы и проблема лидерства в партии на рубеже XIX – XX вв.

После раскола британских либералов в 1886 г. по вопросу предоставления Ирландии самоуправления (гомруль) в истории партии наступил период безвременья, сопровождавшийся усилением фракционности и активизацией дискуссий среди различных течений по вопросам внешней и внутренней политики, возникновением проблемы преемственности политического руководства. Ослабление либеральной партии предопределило доминирование консерваторов на политической арене страны под руководством Р. Солсбери, достойного продолжателя политического курса Бенджамина Дизраэли. К сожалению, среди руководящей верхушки либералов не оказалось фигуры уровня Вильяма Гладстона. Два наиболее влиятельных после него политика - Д. Чемберлен и маркиз Гартингтон - покинули партию в 1886 г., третий - Ч. Дилк - был замешан в семейном скандале, да и сам «великий Вильям» не смог подготовить достойную замену среди нового поколения либералов.

Тем не менее к концу 1880-х гг. на ведущие посты в партии выдвинулись новые фигуры, составившие основу четвертого кабинета Гладстона: министр иностранных дел лорд Розбери, канцлер казначейства В. Харкорт, секретарь по делам Ирландии Д. Морли, первый лорд Адмиралтейства герцог Спенсер, секретарь по делам Индии герцог Кимберли; сильные позиции были у лорда Рипона, Г. Кемпбелла-Баннермана и Г. Асквита. Все они прочно уверовали в гений В. Гладстона, полагая, что тот своим авторитетом способен разрешить любую проблему.

В годы существования последнего кабинета Гладстона среди либералов усилились разногласия по вопросам внешней (проблема Уганды и Египта) и внутренней (гомруль и увеличение расходов на ВМФ) политики. Выдвижение проблемы автономии Ирландии в качестве одной из центральных, а также закономерный провал лордами второго билля о гомруле (41 пэр проголосовал «за» и 419 - «против») вызвал критику радикального крыла либералов. Позиции Гладстона были еще более ослаблены конфликтом с Адмиралтейством, настаивавшим на гораздо большей сумме расходов на ВМФ, чем он мог допустить.

Не случайно с конца 1893 г. в партии началось обсуждение кандидатуры нового лидера либералов. Наиболее реальными преемниками Гладстона на посту премьер-министра были Розбери и Харкорт. Первый, ставленник «великого Вильяма», пользовался симпатией королевы (по иронии судьбы в 1892 г. на должность

главы кабинета она предпочитала именно его, а не Гладстона) и большой популярностью среди коллег по партии (хотя, будучи моложе Харкорта на 20 лет, не имел столь значительного политического опыта). Он не разделял внешнеполитического курса Гладстона, являлся сторонником активной империалистической политики, но так и не смог предложить альтернативного Солсбери и Чемберлену курса. Розбери был богат (аристократ, к тому же породнившийся с Ротшильдами), интеллигентен, внешне привлекателен, изыскан, обладал блестящими способностями, но никогда не стремился к активной политической деятельности, зачастую открыто высказывая равнодушие к ней.

В. Харкорт, вторая фигура после Гладстона в нижней палате, в силу семейной традиции принадлежал к вигскому крылу партии. Он стал играть активную роль в политической жизни с 1870-х гг. (находясь, правда, тогда на стороне лидера вигов маркиза Гартингтона), обладал значительными ораторскими способностями, был умелым тактиком парламентской борьбы. Он имел гораздо большую, чем Розбери, поддержку рядовых членов партии, но из-за своего неуживчивого характера, грубых и нетактичных высказываний не пользовался симпатией коллег. Являясь сторонником «малой Англии», Харкорт, как и Гладстон, выступал против активной имперской политики, предпочитая ей решение социальных проблем. Его союзником в борьбе за лидерство стал известный радикал и антиимпериалист Д. Морли, имевший, однако, с Харкортom разногласия по вопросам внутренней политики.

В итоге консультаций членов кабинета, проводившихся за спиной Гладстона с конца 1893 г., было решено, что наиболее приемлемой кандидатурой на пост премьера является Розбери, возглавлявший либералов в палате лордов. Полномочия же лидера палаты общин закономерно переходили ко второму человеку в ней - В. Харкортu. Соглашаясь на этот пост, последний поставил два условия: реформирование министерства иностранных дел и свобода в принятии любых решений без предварительных консультаций¹. Ошибочность расчетов либералов уже тогда была подмечена Э. Гамильтоном: «Невозможно, чтобы Розбери стал премьером, а Харкорт возглавлял либералов в палате общин: у них нет ничего общего. Пэр может стать премьером либерального правительства лишь в том случае, если нижнюю палату возглавит человек, которому он симпатизирует и с которым действует сообща»².

25 февраля 1894 г. Гладстон, от которого уже в течение полутора месяцев члены кабинета ждали официального заявления об отставке, пригласил к себе Розбери и Харкорта³. На этой встрече, как и последующей с королевой, Харкорт недвусмысленно заявил, что на посту лидера нижней палаты будет делать все возможное для укрепления и процветания партии, но с Розбери у него не может быть никаких, кроме официальных, отношений, и он не видит необходимости личных контактов премьер-министра, возглавляющего либералов в верхней палате, и лидера нижней палаты, имеющего право действовать по своей собственной инициативе и с полной ответственностью. Действительно, в течение всего периода нахо-

ждения у власти оба лидера избегали разговоров наедине и предпочитали общаться через третье лицо.

1 марта 1894 г. состоялась последняя встреча кабинета Гладстона, не лишенная эмоциональной окраски, о чем впоследствии вспоминал Г. Асквит: «Кто мог забыть выражение лица Гладстона с прикрытыми глазами и трясущимися губами во время этого бестактно разыгранного спектакля?»⁴. Д. Мёрли в официальной биографии Гладстона прокомментировал, что тот «сидел застывший как мрамор и ни на мгновение не поддавался эмоциям кабинета»⁵. В этот же день Гладстон произнес свою последнюю речь в нижней палате. Выступление по поводу билля о местном самоуправлении он использовал как средство для критики палаты лордов.

После официального предложения королевы 5 марта 1894 г. Розбери стал премьер-министром. Наиболее дискуссионной при формировании кабинета была кандидатура на пост министра Форин Оффис. Хотя королева Виктория предпочитала, чтобы он также достался Розбери, но при сложившихся обстоятельствах новый премьер посчитал, что его согласие будет напоминать решение консервативного лидера Р. Солсбери, также одно время совмещавшего полномочия лидера кабинета и министра иностранных дел, и вызовет неодобрение коллег по партии. Поэтому этот пост достался протеже Розбери лорду Кимберли, через которого премьер мог полностью контролировать внешнеполитический курс. Любопытно, что, по мнению самого Розбери, он вряд ли бы смог сформировать кабинет, если бы в него отказались войти Харкорт и Морли, действовавшие до этого сообща⁷. Но в последний момент Морли предпочел вести самостоятельную политику, о чем известил Харкорта в своем письме, и тот не посмел отказаться от предложения Розбери возглавить палату общин. В этой ситуации Морли не без некоторых колебаний согласился сохранить за собой пост секретаря по делам Ирландии.

Уже первое заседание нового кабинета проходило в напряженной атмосфере⁸. Розбери оказался в двусмысленном положении: как последователь Гладстона, он был вынужден продолжить политику гомруля, никогда не являясь ее горячим сторонником, борьбу с палатой лордов, членом которой был сам, и реализацию социально ориентированной Ньюкальской программы партии, никогда не испытывая интереса к социальным вопросам. Как справедливо отметил британский историк Гуч, с момента назначения на должность премьер-министра «медовый месяц в жизни и политической карьере Розбери, до этого развивавшейся по нарастающей, закончился»⁹. Наибольшие разногласия среди либералов выявились даже не столько по вопросу об автономии Ирландии, который по тактическим соображениям было решено на время снять с повестки дня¹⁰, сколько по проблемам внешней политики. Она обнаружила два подхода в либеральном лагере: Харкорт, Морли и Асквит были сторонниками гладстоновского курса на сокращение активности британских войск в Африке; Розбери и Кимберли занимали активную проимпериалистическую позицию.

Центральной проблемой внутренней политики стала борьба с верхней палатой. Являясь ставленником королевы, Розбери оказался в щекотливой ситуации и должен был считаться с ее мнением, сводившимся к тому, что палата лордов может быть только реформирована, но не упразднена. Под напором членов кабинета 24 октября 1894 г. премьер-министр направил Виктории письмо, в котором информировал ее о подготовке законопроекта, осуждающего противодействие лордов политике нижней палаты¹¹, а 27 октября в предвыборном манифесте в Брэдфорде заявил, что ни отделение церкви от государства, ни гомруль, ни лицензирование торговли спиртными напитками, ни какой-либо другой вопрос в настоящий момент не могут объединить партию. И на предстоящих выборах центральным пунктом своей политики либералы поставят борьбу с лордами.

Уже с осени 1894 г. напряженность в либеральных рядах усилилась. Харкорт, второй человек в партии, демонстративно ограничивался ролью наблюдателя. «Почему я должен делать какие-то заявления перед общественностью? - восклицал он. - Я не являюсь страстным поклонником нынешнего правительства и предпочитаю сохранять нейтралитет... Вы сами застелили себе постель и не должны теперь жаловаться»¹². Отсутствие четкой предвыборной программы и противостояние Харкорта настолько снизили популярность Розбери и либералов, что те чуть не потеряли вакантное место спикера нижней палаты. Когда либерал Пиль по состоянию здоровья неожиданно сложил с себя эти полномочия, а независимый либерал-юнионист Л. Кортни под давлением консерваторов отказался стать его преемником, то либералы с трудом нашли еще одну кандидатуру в партии - В. Галли, который и стал новым спикером¹³.

О разброде и шатаниях в либеральных рядах свидетельствовали дополнительные выборы, проводимые весной 1895 г. Отставка правительства стала неизбежной, что официально произошло 2 июля 1895 г. на заседании либерального Клуба 80-ти. В ходе предвыборной кампании так и не была выработана единая платформа партии, и Розбери не удалось, как это смог сделать Гладстон в случае с гомрулем, сплотить либералов под лозунгом борьбы с палатой лордов. Харкорт и Морли, например, в своих предвыборных выступлениях делали акцент на ирландском самоуправлении и воздержании от спиртных напитков. Любопытные данные приводятся в статье британского историка Ридмана, подсчитавшего, что во время избирательной кампании 1895 г. 31% либеральных кандидатов центральным пунктом своей программы упоминали гомруль, и лишь 15% - реформу палаты лордов¹⁴. Ряд кандидатов вообще ставил борьбу с лордами на одно из последних мест в своих предвыборных адресах, придавая ей не большее значение, чем требованиям оплаты депутатам и отмены множественного голосования. Но даже учитывая слабость либеральной позиции и непонимание многими кандидатами взаимосвязанности гомруля и реформы палаты лордов, явным упрощением являются оценки историков Р. Джеймса и Д. Хамера, полагавших, что «противоречивые требования либералов вызывали недоумение и насмешки оппонентов» и что в

партии в тот момент «доминировали чудаки, озабоченные только реализацией своих собственных проектов»¹⁵. Предвыборные воззвания либералов отражали политические приоритеты Национальной либеральной федерации и Национального союза реформ¹⁶.

На выборах 1895 г. либералы потерпели самое тяжелое с 1832 г. поражение. Если в 1892 г. в палате общин они имели большинство в 43 голоса, то теперь оно принадлежало юнионистам - 152 голоса. Либералы не смогли выставить кандидатов в 124 избирательных округах, в то время как юнионисты - всего в 10. Ряд лидеров партии не были избраны (В. Харкорт, А. Морли, Г. Рассел) и вынуждены были переизбираться от других округов. Но даже поражение в Дерби не образумило Харкорта, который демонстративно игнорировал лидерство Розбери, и многие либералы осуждали его «неджентльменское поведение»¹⁷.

Сразу после выборов вновь встал вопрос о лидерстве в партии. Еще в июле 1894 г. Харкорт в письме к Морли упомянул о своей возможности возглавить партию в оппозиции (правда, не вполне понятно, что он имел в виду: замену Розбери на посту лидера или значимость своей роли в качестве лидера нижней палаты). Совсем другие настроения овладели Розбери. Он так и не поддался на уговоры друзей, убеждавших его сохранить за собой функции лидера¹⁸, заявив: «Никакая власть не заставит меня более участвовать в лицемерии последних двух лет и вновь согласиться на совместное руководство с человеком, которому я не доверяю»¹⁹. Часть либеральной верхушки придерживалась той же точки зрения, полагая, что «нецелесообразно поднимать вопрос о лидерстве, пока не спадет накал страстей», и не питала больше иллюзий по поводу возможности сотрудничества Розбери и Харкорта, «ведущих себя как кошка с собакой»²⁰.

Уже 8 августа 1895 г. в письме к лорду Спенсеру Харкорт предложил через неделю (14 июля) собрать либералов верхней и нижней палаты для обсуждения ситуации в партии. Спенсер поставил в известность Розбери, для которого этот шаг Харкорта стал последней каплей в принятии решения о сложении с себя полномочий лидера²¹. Написанные под влиянием сиюминутных эмоций два письма лидеру нижней палаты представили Розбери в неприглядном свете перед коллегами, которые справедливо расценили их как поступок несдержанного школьника, а не лидера влиятельной партии. Хотя в конечном итоге заседания палат прошли раздельно, Розбери не явился на встречу с коллегами, отделавшись очередным письмом теперь уже к Гладстону о ситуации в партии. Последний, хотя в целом и симпатизировал Розбери, предпочел воздержаться от вмешательства²². В течение последующих месяцев Розбери полностью отстранился от руководства партией, оставаясь тем не менее ее формальным лидером, что вызвало протесты коллег. Поэтому даже прежние сторонники лидера либеральных пэров постепенно склонились на сторону Харкорта. Это «молчаливое противостояние» закончилось 6 октября 1896 г., когда в письме главному уиппу Т. Эллису Розбери официально заявил о своей отставке.

Что в конечном итоге побудило его к принятию окончательного решения? В своем письме в качестве такой причины он называет возвращение В. Гладстона в политику и их разногласия по армянскому вопросу (в отличие от Гладстона Розбери полагал, что, несмотря на жестокости турок по отношению к армянам, Британия не должна действовать самостоятельно, без вмешательства других великих держав). Действия Розбери вызвали закономерную критику коллег. Так, Э. Гамильтон, проанализировав все «за» и «против», назвал решение Розбери скоропалительным и высказал мнение, что оно несомненно приведет к «усилению интриг и нелояльности в партии»²³, Д. Морли отметил, что «Розбери вообще не обладает необходимым для партийного лидера данными»²⁴. По мнению многих либералов, конфликт с Гладстоном был раздут на пустом месте, и можно было бы найти более существенную причину для отставки (в частности, разногласия по Уганде). Но жестче всех высказался В. Харкорт: «Он пришел во власть, чтобы что-то сказать о политике. Но, так и не найдя, что же сказать, взял шляпу и ушел»²⁵. Заметим, правда, что это не был уход в никуда. О том, что Розбери оставлял за собой возможность возвращения к активной политической деятельности, свидетельствует его письмо Г. Асквиту, в котором он в том числе отметил: «Я действую в интересах единства партии. Вы должны помнить, что я никогда формально не избирался лидером. Я был первым министром королевы, приняв пост лидера под давлением коллег, но не получив одобрения рядовых членов партии»²⁶. 8 января 1896 г. либеральные пэры единогласно выбрали своим лидером Кимберли.

В результате В. Харкорт, бывший лидером де-факто с августа 1895 г., стал им также де-юре. Но и это не упростило ситуацию в партии. Уже 9 октября 1896 г. президент НЛФ Р.С. Ватсон заявил, что в случае ухода премьер-министра в отставку должность лидера оппозиции не предусмотрена, сославшись на два случая: первый был связан с 1875 г., когда после официальной отставки Гладстона маркиз Хартингтон занимал лишь должность лидера либералов в палате общин, а второй относился к 1881 г., когда после смерти лорда Биконсфильда (Б. Дизраэли. – *С.Т.*), Солсбери стал его преемником в палате лордов, а Норткот - лидером тори в нижней палате.

В течение двух лет Харкорт был лидером либералов. Он редко выступал публично, но, как всегда, умело действовал в парламенте. Однако в 1898 г. ряд обстоятельств ослабили его позицию. Первое касалось его деятельности в парламентской комиссии, созданной для оценки ситуации в Трансваале, два других связаны с потерей ближайших сторонников (его сын Лулу, который в течение многих лет был правой рукой отца, женился на дочери американского банкира, правнучке великого Дж. Моргана, а Д. Морли согласился на предложение, поступившее от семьи Гладстонов после смерти «великого Вильяма», стать его официальным биографом). Наконец, широкое общественное признание империализма, против которого Харкорт всегда последовательно боролся, сужало поле его дея-

тельности. 12 декабря 1898 г. Харкорт известил о своей отставке коллег, которые хотя и выразили сожаление, но в сложившихся обстоятельствах отнеслись с пониманием к этому шагу.

После очередного отказа Розбери стать главой либералов среди возможных претендентов на занятие вакантной должности в нижней палате обозначилось две фигуры: Г. Асквит и Г. Кемпбелл-Баннерман. Первый пришел в политику в 1892 г., получив пост министра внутренних дел в кабинете Гладстона и уже тогда проявив себя способным администратором, сторонником умеренного внешнеполитического курса и активной социальной политики. Он имел несомненные преимущества перед Кемпбеллом-Баннерманом, который хотя и был более опытным политиком, однако не имел достаточно качеств для исполнения функции лидера либералов. В конце декабря 1898 г. вопрос о новом лидере был фактически уже решен, но Г. Асквит с одобрения коллег по чисто этическим соображениям решил сначала предложить этот пост Кемпбеллу-Баннерману как старшему по возрасту²⁷. К удивлению многих, последний расценил данное предложение как призыв к спасению партии и 2 января 1899 г. дал согласие. Избрание Кемпбелла-Баннермана было ратифицировано на встрече либеральных парламентариев в Реформклубе в феврале 1899 г.

Новый лидер либералов не отличался большим опытом министерской работы, занимая с 1892 г. должности секретаря по делам Ирландии и одного из секретарей в военном министерстве. Он обратил на себя внимание пробурской ориентацией в годы англо-бурской войны 1899 – 1902 гг., но, не испытывая особой склонности к политическим посланиям и апеллированию к общественному мнению²⁸, вплоть до 1905 г. был мало известен за пределами Вестминстера. Кемпбелл-Баннерман не обладал харизмой Д. Чемберлена или лорда Розбери, не примыкал ни к одной из многочисленных либеральных группировок в стране (либерал-империалистов, либ-лейбистов, социальных реформаторов, либеральных радикалов), даже препятствовал их созданию. Его всегда интересовали чисто конституционные проблемы, такие, как защита гражданских свобод, расширение местного самоуправления. Он не любил широкомаштабных политических кампаний, а длинные парламентские сессии, плохо приготовленные парламентские обеды и продолжавшиеся допоздна заседания наводили скуку на этого «бонвивана и юмориста, с которым было всегда приятно пошутить и посмеяться»²⁹. Таким образом, по своему темпераменту, как отмечают исследователи, Кемпбелл-Баннерман более подходил для роли радикального заднескамеечника, нежели лидера национальной партии³⁰, и многие сомневались в его возможности оздоровить либерализм, одержать победу на всеобщих выборах и уж тем более сформировать эффективное правительство.

Репутация Кемпбелла-Баннермана стала укрепляться с конца 1899 г. Либерал-империалистическое течение партии во главе с Розбери, Асквитом, Греем, Фулером, Хэлданом поддержали действия консерваторов в Южной Африке, благодаря

чему последние достигли значительной популярности на выборах в октябре 1900 г. (на них вновь одержали победу консерваторы, сократив, правда, свое большинство до 134 мест). Желая сохранить единство партийных рядов, Кемпбелл-Баннерман обратился к Асквиту с просьбой не доводить дело до открытого конфликта³¹, но Асквит не откликнулся на нее, и летом 1901 г. разногласия либералов стали достоянием общественности. Хотя многие либералы стремились вернуть лидерство Розбери, Кемпбеллу-Баннерману все же удалось удержать власть в своих руках и даже укрепить позиции. Его наибольшие опасения были связаны с реальной возможностью Розбери создать империалистическую партию центра, куда бы вошли сторонники активной имперской политики из либерального и консервативного лагерей³². Действительно, в своей речи в Честерфильде (декабрь 1901 г.) Розбери призывал к созданию «чистого государства» и замене радикализма национальной эффективностью³³. Новая партийная организация стала оформляться в виде Либерального империалистического совета, созданного в 1900 г., и Либеральной Лиги (1902 г). Последняя, возглавляемая Розбери, была «законченной политической машиной, способной выдвинуть 50 кандидатов на предстоящих выборах»³⁴. Вице-президентами Лиги стали Асквит, Хэлдан, Грей и Фулер.

С начала XX в. в либеральной партии стали происходить процессы, свидетельствовавшие о преодолении кризиса либерального руководства и ее скорейшем возрождении. Они были связаны не только с негативными моментами (неудачами консервативных правительств Солсбери - Бальфура в образовательной и религиозной политике, расколом по вопросу о протекционизме), но и с рядом позитивных шагов, предпринимаемых лидером либералов и его правой рукой Гербертом Гладстоном, который в то время возглавлял партийный аппарат. В целом за прошедшие 5 лет положение в партии несколько укрепилось, доказательством чему являлись эффективность действий партийной машины и органов пропаганды, поддержка политики Кемпбелла-Баннермана центральными органами партии в лице ЛЦА и НЛФ и его полный контроль над парламентской фракцией, приход в партийные организации на местах нового неимпериалистического руководства, наконец, заключенный с 1903 г. прогрессивный союз с лейбористами о совместных действиях во время избирательных кампаний и, как следствие, укрепление финансовой базы либералов. Все это свидетельствовало о том, что период безвременья прошел, и ни для кого не было секретом, что на предстоящих выборах партия имеет все шансы на успех.

Последняя попытка вновь обострить вопрос о лидерстве была предпринята в начале сентября 1905 г., когда либерал-империалистами Асквитом, Греем и Хэлданом был организован заговор с целью лишить Кемпбелла-Баннермана политической власти, переместив его в палату лордов, а освободившееся место лидера нижней палаты передать Г. Асквиту. Но план заговорщиков с самого начала не имел под собой реальной основы. Кемпбелл-Баннерман демонстративно игнорировал все действия Хэлдана, правда первоначально не подозревая, что в интригу

вовлечен также и Асквит. Но если Грей был готов пожертвовать политической карьерой, то для Асквита привлекательность власти была значительней дружбы.

Последние дни существования консервативного правительства вплоть до отставки Бальфура 4 декабря 1905 г. Кемпбелл-Баннерман провел в Шотландии. Вернувшись в Лондон, он начал формирование кабинета. Г. Асквит, главный проводник фритреда в рядах либералов, получил пост канцлера казначейства. Военное министерство было предложено Хэлдану, а министерство иностранных дел - Грею, который, сначала отказавшись от этого поста, затем все же вошел в правительство. 6 декабря заговор был окончательно нейтрализован, и главной задачей, вставшей перед партией, стала победа на предстоявших в январе 1906 г. парламентских выборах. Открывалась следующая страница истории британских либералов, связанная с именами Г. Асквита, Д. Ллойд Джорджа и новым прогрессивным имиджем партии.

Борьба за власть в либеральной партии, происходившая с 1890-х гг. XIX в. до 1905 г. и отражавшая кризисную ситуацию после раскола в 1886 г., обозначила ряд проблем, с которыми должно было считаться ее новое руководство. Одна из них - выход за пределы чисто парламентской борьбы и большая ориентация на электорат, проведение активной социальной политики, отражавшей интересы новых избирателей. Другая - это принесение в жертву личных интересов и амбиций ради сохранения единства партийных рядов и проведения единого согласованного курса. Наконец, попытка, по возможности, избегать ситуаций двойного лидерства, ставящих как верхушку, так и рядовых членов в двусмысленное положение, и обеспечение лидерами преемственности своего руководства.

➤ Примечания

¹ Stansky P. Ambitions and strategies. The struggle for the leadership of the Liberal Party in the 1890-s. Oxford, 1964. P. 64.

² E. Hamilton Papers. BL. Add. MS. 4862. 21 Feb. 1894. F. 124.

³ Gladstone Papers. BL. Add. MS. 44290; Copy Gladstone to Rosebery, 25 Feb. 1894. F. 230. Add. MS. 44203; Copy Gladstone to Harcourt. 25 Feb. 1894. F. 174.

⁴ Acquith G. Fifty years in Parliament. 2 vol. V. 1. P. 244. Под «бестактным спектаклем» Асквит имеет в виду закулисные махинации коллег, направленные на ниспровержение Гладстона.

⁵ Morley J. The life of William Ewart Gladstone. 2 vols. V. 2. L., 1906. P. 751.

⁶ Morley J. Recollections. 2 vols. N.Y., 1917. V. II. P. 15.

⁷ Ibid. P. 17.

⁸ Gladstone Papers. BL. Add. MS. 44094; Acton to Gladstone. 12 March 1894. F. 258.

⁹ Gooch G.P. Under Six Reigns. L., 1958. P. 27.

¹⁰ О переориентации самого Розбери см.: Гелла Т. Либеральная партия Великобритании и империя в конце XIX - начале XX века. Орел, 1992. С. 31-32.

¹¹ Crewe M. Lord Rosebery. L., 1931. 2 vols. V. II. P. 458-460.

- ¹² Цит. по: Gardiner A.G. The life of Sir. William Harcourt. 2 vols. V. II. L., 1923. P. 307-308.
- ¹³ Правда, рассматривалась еще кандидатура Кемпбелла-Баннермана, желавшего занять это место, но и Розбери, и Харкорт пожелали оставить его в кабинете.
- ¹⁴ Readman P.A. The 1895 General Election and the Political Change in Late Victorian Britain // The Historical Journal. 1999. № 42(2). P. 470.
- ¹⁵ James R.R. Rosebery. L., 1963. P. 384; Hamer D.A. Liberal politics in the age of Gladstone and Rosebery. Oxford, 1972. P. 320.
- ¹⁶ NLF proceedings. Feb. 1894. P. 57; The Daily Telegraph. 1895. 2 July. P. 7.
- ¹⁷ E. Hamilton Papers. BL. Add. MS. 48667. 26 June 1895. F. 45.
- ¹⁸ Ibid. 27 June 1895. F. 47.
- ¹⁹ Crewe M. Op. cit. V. II. P. 512.
- ²⁰ Ripon Papers. BL. Add. MS. 43527; Copy Ripon to Kimberly. 31 July 1895. Ff. 64-65.
- ²¹ Gardiner A.G. Op. cit. V. II. P. 376.
- ²² Gladstone Papers. BL. Add. MS. 44290; Copy Gladstone to Rosebery. 23 Aug. 1895. Ff. 262-263.
- ²³ Hamilton Papers. BL. Add. MS. 48670; 8 Oct. 1896. Ff. 18-23.
- ²⁴ Ibid. 3 Nov. 1896. F. 45.
- ²⁵ Письмо Харкорта Д. Морли 26 октября 1896 г. Цит. по: Gardiner A.D. Op. cit. V. II. P. 418.
- ²⁶ Spender J., Asquith C. Life of Herbert Henry Asquith, Lord Oxford and Asquith. 2 vols. V. 1. L., 1932. P. 116-117.
- ²⁷ Ibid. P. 121-122; Spender J.A. The Life of Right Hon. Sir. Henry Campbell-Bannerman. 2 vols. V. 1. L., 1923. P. 287-292.
- ²⁸ Spender J.A. The Life of Right Hon. Sir. Henry Campbell-Bannerman. V. 1. L., 1923. P. 335.
- ²⁹ Campbell-Bannerman Papers. BL. Add. MS. 41214; Ff. 131-34; Asquith M. The Autobiography. 2 vols. V. 1. L., 1920. P. 164.
- ³⁰ Harris J.F., Hazlehurst C. Campbell-Bannerman as Prime Minister // History. V. 55. 1970. № 185. P. 362.
- ³¹ Jenkins R. Asquith. L., 1964. P. 126.
- ³² Campbell-Bannerman Papers. CB to H. Gladstone, 24 Feb. 1902. Add. MS. 41216. Ff. 197-198.
- ³³ Emery L. My political Life. 3 vols. V. 1. L., 1955. P. 223-229.
- ³⁴ Craton M., McCready H.W. The Great Liberal Revival 1903 - 1906. L., 1966. P. 10.

Исторические взгляды Дж.М. Тревельяна и его интерпретация английской истории 1789 – 1832 гг.

Джордж Маколей Тревельян (1876 - 1962) является одним из крупнейших представителей английской историографии XX в. Сын известного историка Дж.О. Тревельяна, внучатый племянник выдающегося вигского историка и политического деятеля Т.Б. Тревельяна, Дж.М. Тревельян возглавил либеральное направление английской исторической науки первой половины XX в. С 1927 по 1940 г. он был главой кафедры новой истории Кэмбриджского университета. Он был награжден орденом «За заслуги»¹, в 1947 г. избран президентом Британской исторической ассоциации, являлся почетным членом многих научных обществ и организаций.

Пожалуй, никто из английских историков XX в. не пользовался такой популярностью среди самых широких кругов читателей, как Тревельян². Первой работой, принесшей крупный успех ее автору, была гарибальдийская трилогия³, которая получила широкую известность главным образом благодаря своим литературным достоинствам. Основной темой научных исследований Тревельяна была история Англии. Хронологическая протяженность его сочинений в этой области - от первобытно-общинного строя до 40-х гг. XX в. Работы по английской истории выходили огромными тиражами и неоднократно переиздавались. Так, «Британская история XIX в. (1782 - 1901)»⁴ только с 1922 по 1927 г. издавалась 7 раз. Еще большей популярностью пользовалась «История Англии»⁵, выдержавшая 24 издания. Самой знаменитой работой историка является его последнее крупное произведение - «Социальная история Англии»⁶. Книга была издана во многих странах мира, в 1959 г. появился ее русский перевод⁷. Среди других известных работ историка такие, как «Англия в эпоху Уиклифа», «Англия времен Стюартов», трехтомная «История Англии при королеве Анне», биографии Джона Брайта, Чарльза Грея и Эдуарда Грея⁸.

Интерес к работам Дж.М. Тревельяна среди читателей продолжает сохраняться и в настоящее время. Вышли иллюстрированные издания «Истории Англии» и «Социальной истории».

Успеху его произведений в немалой степени способствует образный, яркий язык исторического повествования. Тревельян постоянно подчеркивал связь между историей и литературой. В начале XX в. он оказался в центре научной дискуссии, развернувшейся по вопросу о том, что такое история - наука или искусство? В статье, опубликованной в 1913 г. под характерным названием «Клио - муза исто-

рии»⁹, Тревельян утверждал, что история по своим задачам стоит гораздо ближе к литературе, чем к науке. Историк должен, подобно писателю, обладать силой художественного воображения и эмоциональностью стиля, так как «в своих самых важных чертах история является не научной индукцией, а догадкой, основанной на воображении относительно наиболее правдоподобных обобщений»¹⁰. Его выступление было направлено против тогдашних тенденций полностью приравнять историю к естественным наукам. В частности, он имел в виду своего предшественника в Кэмбриджском университете профессора Дж. Бэри, который в своей юбилейной лекции в 1903 г. заявил, что «история - только наука, не более и не менее»¹¹. Тревельян намеренно заострил свою точку зрения. Впоследствии он не раз обращался к этой теме. В лекции, прочитанной в 1945 г., историк, подводя итог своих размышлений в этой области, писал: «Я настаивал, что история является и наукой, и искусством: изучение исторических фактов должно основываться на научных методах, но изложение их читателю сродни искусству, искусству написания слов, обычно называемому литературой»¹². И в этом с одним из лучших английских историков нельзя не согласиться.

Его сочинения составили определенный этап в развитии зарубежной историографии и, по выражению его ученика и биографа Дж. Пламба, «сами стали материалом истории»¹³. Исследователи до сих пор обращаются к его идеям, продолжают разрабатывать начатые им направления. Известный английский историк А. Бриггс писал: «Сейчас меньше историков-вигов, чем их было в 1944 г., так же как в 1944 г. их было меньше, чем в 1876, когда родился Тревельян. В последней четверти XX в. возникла опасность потерять наши связи с учреждениями и традициями, которые мы передавали из поколения в поколение, и наша собственная версия истории может оказаться еще более узкой, чем его»¹⁴. Живой интерес у исследователей вызывает и постановка Тревельяном таких методологических вопросов, как определение задач истории, ее места и роли в обществе, вопрос о познавательных возможностях исторической науки и ее воспитательном значении. Растет популярность такого направления, как «социальная история», одним из основателей которого считается Дж.М. Тревельян¹⁵.

В отечественной историографии дана лишь общая оценка вклада Тревельяна в историческую науку, опубликованы рецензии на некоторые отдельные его произведения¹⁶. К исследованию взглядов ученого на политическую историю Англии в период 1789 – 1832 гг., который является «ключевым» в либеральной историографии, специально никто из историков не обращался.

Либерально-вигская концепция, которой следует ученый, основывалась на утверждении, что Англия в течение столетий выработала систему парламентского правления - господства в политической жизни двух партий, сменявших друг друга у власти. Постепенно совершенствуясь, она обеспечивала «прогресс нации, свободу и независимость ее народу»¹⁷. Эта концепция подчеркивала уникальность и неповторимость политического строя Англии. Тревельян постоянно противопостав-

ляет демократические институты своей страны деспотическим органам государственной власти континентальных государств. Как заметил по этому поводу А. Бриггс, «когда Тревельян смотрел в сторону другого корабля, тогда, подобно своему любимому герою Нельсону, он подносил подзорную трубу к невидящему глазу»¹⁸.

В период 1789 – 1832 гг., по мнению историка, произошли значительные изменения, вызванные промышленной революцией. Встала задача приспособить парламентскую систему, которая приобрела в это время форму кабинетного правления, к новым социальным условиям. Созданные индустриальной революцией средние классы, по мнению Тревельяна, должны были быть привлечены к системе управления, потеснив господство лендлордов в парламенте¹⁹.

В отличие от традиционной английской либеральной историографии, которая придавала основное значение политическим факторам, Тревельян видел главную причину политических изменений в факторах социально-экономического развития. Если до замены ручного труда машинным, пишет ученый, «экономические и социальные изменения, которые происходили в обществе, были похожи на медленное течение реки, то со времени Уатта и Стивенсона все изменилось»²⁰. Общество стало развиваться неизмеримо более быстрыми темпами, «в десять раз быстрее, чем в период между Цезарем и Наполеоном и в сто раз быстрее, чем в доисторические времена»²¹. «Страшная скорость, - заключает историк, - с которой сейчас движется мир, была дана нашему острову с тех пор, как капитализм впервые “запряг” научное изобретение»²².

Тревельян рассматривает промышленную революцию как рубеж, который отделяет один исторический период от другого, как резкий скачок в развитии английской экономики, как «наиболее важное движение в социальной истории со времен саксонского завоевания»²³. Свидетельством того большого значения, которое придавал Тревельян промышленной революции в истории Англии, является тот факт, что свою работу «Британская история XIX века» он начинает не с первых лет XIX в., а с промышленной революции середины XVIII в. Он считает, что «необходимо было прежде остановиться на исходной точке всех последующих грандиозных изменений, дать картину спокойной старой Англии XVIII в. до того, как машины преобразили ее»²⁴.

Тревельян считает, что технический прогресс являлся лишь одной ее стороной, а другой был переворот в социальных отношениях. Он писал: «Изменения в городе, так же как и в деревне, привели к расхождению симпатий и интересов между классами, теперь каждый стоял за себя, богатые становились богаче, бедные - беднее»²⁵. Он приводит многочисленные примеры резкого ухудшения положения народа, описывая «безысходную нищету» батраков южных графств, «скверное, никуда не годное положение женщин и детей», сравнивает с рабством положение фабричных рабочих²⁶. Несомненное влияние на позицию ученого в этом вопросе оказали работы леволиберальных историков Джона и Барбары Хэммонд, с кото-

рыми его связывали дружеские отношения²⁷. Результатом кропотливого труда этих ученых, собравших первоклассный документальный материал, явился выход в свет в 1911 - 1919 гг. трех исследований, показавших положение различных групп населения в эпоху промышленной революции²⁸.

Однако в 1926 – 1939 гг. проф. Кэмбриджского университета Дж. Х. Клэпом выступил с большой работой «Экономическая история Великобритании», где попытался пересмотреть эту ставшую традиционной в английской историографии точку зрения. Он утверждал, что в английской экономике не было качественного скачка и никакого ухудшения положения рабочего класса не произошло²⁹.

В конце 30-х гг. претерпела эволюцию вправо и позиция Тревельяна в этом вопросе. Выработанная им концепция, с одной стороны, оправдывала жестокости капитализма в начальный период его развития, а с другой - придавала деятельности либеральной партии по проведению избирательного закона 1832 г. еще более значимый характер. В развитии капитализма в Англии он выделил два периода: с 60-х гг. XVIII в. до реформы 1832 г. - «полукапиталистическая, полуорганизованная индустрия» (semi-capitalised, semi-organised industry) и после реформы 1832 г. - «зрелый капитализм» (full-blown capitalism)³⁰.

До 1832 г., согласно этой периодизации, капитализм не избежал жестокостей. Настолько новы и необычны были изменения, произведенные индустриальной революцией, что «в течение некоторого времени мудрейшие были не в меньшем затруднении, чем самые глупые»³¹. Поэтому, считает Тревельян, капитализм развивался стихийно, общество не контролировало и не направляло его развитие. Правительство не только не предпринимало каких-либо шагов в сторону уменьшения страданий рабочего класса, но и упорно не желало считаться с его интересами. Совершенно иное дело - развитое капиталистическое общество, где целый ряд фабричных законов, изданных правительством, урегулировал отношения между рабочими и предпринимателями, «где рабочие, предприниматели и государство с готовностью сотрудничают друг с другом, проявляя друг о друге заботу»³².

Заслугу в кардинальном изменении английского общества Тревельян целиком приписывает вигам. Это благодаря вигам «Англия не была вовлечена в порочный круг европейской революции и реакции, и наша, - пишет ученый, - политическая жизнь сохранила свое англосаксонское происхождение»³³. Реформа 1832 г., которую Тревельян неизменно называет «великой», становится центральным звеном его концепции, первым шагом на пути последующего постоянного развития английского общества в сторону демократии. Кульминации этот процесс достигает в период «викторианского процветания», когда все классы получают возможность принимать участие в управлении государством и достигается «сотрудничество всех классов»³⁴.

Нельзя сказать, что Тревельян полностью игнорирует существование демократического движения в стране. Напротив, он считает, что демократическое движение, начавшееся в 80-х гг. XVIII в., приобрело с 1791 г. новые черты: «В движе-

ние был вовлечен класс, который никогда в политике не выступал от собственного имени - рабочий класс больших городов»³⁵. Причину возникновения демократического движения он видит в последствиях промышленной революции, «которая сделала жизнь широких слоев общества невыносимой и собрала большие массы в индустриальных районах». Вторым по значению фактором Тревельян считает Французскую революцию, идеи которой получили широкое распространение в Англии благодаря сочинениям Т. Пейна, попавшим на благоприятную почву³⁶.

В движении, идущем под знаком реформы, Тревельян четко выделяет существование двух направлений - либерального и демократического³⁷. Последователи Ч. Фокса, объединившиеся вокруг «Общества друзей народа», как справедливо отмечает историк, всегда оставались частью привилегированного аристократического класса. В то же время демократическое движение возглавил «Корреспондентский комитет» Т. Гарди, «первая политическая и образовательная организация рабочего класса»³⁸. Именно радикальные требования рабочего класса, считает Тревельян, явились причиной того, что средние классы и их представители виги стояли в стороне от движения. Вместе с тем он осуждает политику репрессий, проводившуюся торийским правительством У. Питта. Манчестерское побоище (Питерлоо), по его мнению, не означало ничего, «кроме начала войны, объявленной правительством»³⁹. В условиях, когда движение Свинга держало юг страны в страхе, а на индустриальном севере рабочий класс готовился к социальной войне, «средние классы требовали реформы в равной степени, чтобы уменьшить революционный дух и спасти свои права от аристократии»⁴⁰. Он восхваляет английскую буржуазию и ее аристократических представителей именно за то, что они сумели предотвратить революцию. «Если бы весь привилегированный класс присоединился к антиякобинскому блоку, реформа не могла бы быть проведена легальными средствами и в XIX в. изменения могли бы быть достигнуты в Великобритании тем же разрушительным и кровавым путем, каким они были достигнуты в континентальных странах»⁴¹. В этом он полностью повторяет Т.Б. Маколея, который еще в 1828 г. писал: «Мы не знаем такой великой революции, которую нельзя было бы предупредить своевременным и дружелюбным соглашением. Умеренная уступка может все исправить, примирить и сохранить»⁴².

В своей биографии Тревельян заметил, что в истории он всегда предпочитал события, имеющие счастливый конец⁴³. «Счастливый исход» политической борьбы в Англии конца XVIII - первой трети XIX в. в глазах либерального историка становится лучшим доказательством того, что английская история развивается плавно и прогрессивно, а некоторые опасные явления оказываются лишь ступенями прогресса и служат ему.

В английской историографии биографы и критики неизменно ставят Дж. М. Тревельяна рядом с его знаменитым дядей - Т.Б. Маколеем. Сравнивается не только их литературное мастерство, но и общность методологических установок. Тревельян сам неоднократно подчеркивал, что «он был не оригинальным, а

традиционным историком»⁴⁴. Но если Т.Б. Маколей писал в то время, когда либеральная концепция отражала стабильность положения английской буржуазии внутри страны и на международной арене, которая была полна оптимизма и веры в будущее, то основные работы Треvelyяна появились в период между первой и второй мировыми войнами, когда, по словам английского историка Э. Карра, история «приняла плохой оборот»⁴⁵. И, видимо, не случайно история Англии закончилась для Треvelyяна вместе с окончанием «золотого викторианского века». «Социальная история Англии» заканчивается 1901 г. Хотя в «Историю Англии» и были впоследствии включены новые главы, доводившие изложение до начала второй мировой войны, однако они по существу представляли собой лишь фактологическое дополнение к первоначальному варианту книги, который остался почти без изменения. «Двадцатый век, - писал историк, - охвачен постоянным движением и беспокойством стремительного технического прогресса, который торопит человечество вперед по дорогам, которые никто не выбирает, - несчастный беглец, не имеющий пристанища»⁴⁶. История XX в. оказалась непонятой и приобрела трагическое звучание.

➤ Примечания

¹ Одна из высших наград присуждается монархом за выдающиеся заслуги в разных областях. Число награжденных не должно превышать 24 человек.

² *Studies in Social History. Tribute to G.M. Trevelyan* / Ed. by J.H. Plumb. L.; N.Y.; Toronto, 1955.

³ Trevelyan G.M. *Garibaldi's Defence of the Roman Republic 1848 - 1849*. N.Y., 1907; Trevelyan G.M. *Scenes from Italy's War*. Boston; N.Y.; Houghton, 1919; Trevelyan G.M. *Garibaldi and the Making of Italy*. L., 1921.

⁴ Trevelyan G.M. *British History in the XIX-th Century*. L., N.Y., Toronto, 1922.

⁵ Trevelyan G.M. *History of England*. L., 1926.

⁶ Trevelyan G.M. *English Social History*. L., 1944.

⁷ Треvelyян Дж.М. *Социальная история Англии*. М., 1959.

⁸ Trevelyan G.M. *England in the Age of Wecliff*. L., 1900; Trevelyan G.M. *England under the Stuarts. The Political, Constitutional and Social History of England in the XVII-th Century*. Hormondsworth, 1960; Trevelyan G.M. *The England under Queen Anna*. L., 1930 - 1932. V. 1-3. L., 1965; Trevelyan G.M. *The Life of John Bright*. L., 1913; Trevelyan G.M. *Lord Grey and the Reform Bill*. L., 1920; Trevelyan G.M. *Grey of Falladon*. Boston, 1937.

⁹ Trevelyan G.M. *Clio - a Myse*. L., 1913.

¹⁰ Ibid. P. 37.

¹¹ Trevelyan G.M. *An Autobiography and Other Essays*. L., 1945.

¹² Trevelyan G.M. *History and the Reader*. L., 1945. P. 52.

¹³ Plumb J.H. G.M. Trevelyan. L.; N.Y.; Toronto, 1951.

¹⁴ Trevelyan G.M. *English Social History*. L., 1974. Introduction by A. Briggs. P. XVII.

¹⁵ *Changing Views on British History* / Ed. by E.Ch. Furber. Cambridge, 1966.

¹⁶ Виноградов К.Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Л., 1975; Гутнова Е. - Рец. на кн.: Треvelyан Дж.М. Краткая история Англии // Вопросы истории. 1949. № 3; Историография нового и новейшего времени стран Европы и Америки. М., 1968; Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977; Историография истории нового времени стран Европы и Америки. М., 1990; Социальная история Англии / Под ред. и с предисловием В.Ф. Семенова. М., 1959.

¹⁷ Trevelyan G.M. History of England. L., 1974. P. XXIII.

¹⁸ Ibid. Introduction by A. Briggs.

¹⁹ Trevelyan G.M. A Shortened History... P. 461.

²⁰ Ibid. P. 446.

²¹ Trevelyan G.M. British History in the XIX-th Century. L., 1927. P. XIII.

²² Ibid.

²³ Треvelyан Дж.М. Социальная история... С. 385.

²⁴ Trevelyan G.M. British History... L., 1922. P. VIII.

²⁵ Trevelyan G.M. British History... L., 1927. P. 159.

²⁶ Ibid. P. 61.

²⁷ Trevelyan G.M. An Autobiography... P. 33.

²⁸ См.: Косминский Е.А. Английский рабочий в эпоху промышленной революции // Архив Маркса и Энгельса. Т. 3. С. 421-439.

²⁹ См.: Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. С. 314.

³⁰ Trevelyan G.M. British History... L., 1927. P. 156.

³¹ Ibid.

³² Ibid.

³³ Ibid. P. 225.

³⁴ Trevelyan G.M. A Shortened History... P. 461.

³⁵ Trevelyan G.M. British History... L., 1927. P. 64.

³⁶ Ibid. P. 60-65.

³⁷ Ibid. P. 66.

³⁸ Ibid. P. 67.

³⁹ Ibid. P. 186.

⁴⁰ Ibid. P. 227.

⁴¹ Ibid. P. 62.

⁴² Маколей Т.Б. Полн. собр. соч. Т. 1. Спб., 1860. С. 176.

⁴³ Trevelyan G.M. An Autobiography... P. 34.

⁴⁴ Ibid. P. 1.

⁴⁵ Цит. по: Вайнштейн О.Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX – XX вв. Л., 1979. С. 103.

⁴⁶ Trevelyan G.M. History of England. L., 1974. P. 5.

Проблемы расширения и выработки социальной политики ЕС после Маастрихта

Процессы расширения Европейского Союза и выработки единой социальной политики, на наш взгляд, тесно связаны. Эта связь становится все более очевидной по мере продвижения интеграционных процессов вглубь и вширь.

ЕС, а до него Европейское Экономическое Сообщество задумывались и создавались как открытые организации. «Любое европейское государство может обратиться с просьбой о принятии в члены Союза» в соответствии со статьей 237 Римского договора¹, статьей 8 Единого Европейского Акта² и статьей О Маастрихтского договора³. «Оно направляет свое заявление в Совет, который принимает единогласное решение, после консультаций с Комиссией и после получения согласия Европейского парламента, принимающего решения абсолютным большинством своих членов. Условия присоединения к Договорам, на которых основан Союз, и все необходимое урегулирование в этой связи являются предметом соглашения между государствами-членами и государством-заявителем. Это соглашение подлежит ратификации всеми государствами-участниками в соответствии с их конституционными процедурами»⁴.

К настоящему времени ЕС прошел три этапа расширения:

- а) 1973 г. - Великобритания, Ирландия, Дания;
- б) 1981 – 1986 гг. - Греция, Испания, Португалия;
- в) 1995 г. - Австрия, Швеция, Финляндия.

Объективность, неизбежность и благотворность этого процесса с общетеоретических позиций давно доказана. Недостаточно полно, на наш взгляд, освещены роль и значение процесса расширения ЕС в распаде социалистической системы. К 1986 г. ЕС включал в себя практически все западноевропейские государства, за исключением нескольких мелких островков. Зона интеграции уперлась в границы социалистического лагеря. Открытость системы и экономические успехи способствовали активизации «голосования ногами» против реального социализма в Восточной Европе. Только в ситуации открытости западноевропейской социально-экономической системы для стран социализма стали возможны и поддержаны восточными европейцами «бархатные революции».

Распад социалистической системы, социально-экономический кризис в пост-социалистических государствах поставили на повестку дня вопрос об их участии в интеграционных процессах как о способе решения социальных проблем. Впервые с высокой трибуны эта мысль была высказана Г. Колем в 1992 г. Поток экономических беженцев, хлынувших, прежде всего в Германию после падения «железно-

го занавеса», напряжение систем социального страхования, обострение социальных проблем способствовали осознанию в этой стране необходимости экономической и социальной стабилизации в Центральной и Восточной Европе (далее - ЦВЕ). Лучшим способом осуществления этой стабилизации, по мнению многих граждан и политиков ЕС, была бы интеграция стран ЦВЕ в западноевропейские экономические, социальные, политические структуры, главным образом в ЕС.

На наш взгляд, подобная точка зрения не является не только единственно возможной, но и оптимальной с позиций стран ЦВЕ и России. Оптимальным данное решение выглядит, в свою очередь, с позиций западноевропейского капитала, особенно ТНК. Инкорпорирование стран Восточной Европы в ЕС, утрата ими суверенитета создадут долгосрочные гарантии для их функционирования на этой территории. Таким образом, решение социально-экономических проблем постсоциалистических стран будет приносить дивиденды. Помогать восточным европейцам с альтруистических позиций, судя по всему, никто не собирается. Тем не менее большинство (от 70 до 90%) граждан там по-прежнему ориентированы на вступление в ЕС, мечтая о щедрой экономической помощи структурных фондов и западных социальных стандартах. Этого оптимизма не разделяют большинство (от 50 до 70%) западных европейцев. Парадокс ситуации в том, что главной причиной этого неприятия является угроза пересмотра систем социального страхования в расширенном на восток ЕС. Эта же угроза препятствует расширению ЕС «на запад».

Из 15 заявлений на вступление в ЕС, имеющихся к настоящему времени, 3 заявления (Швейцарии, Норвегии, Мальты) заморожены по желанию подавших их стран. Швейцарцев и норвежцев беспокоит в первую очередь высокий уровень безработицы в ЕС. С учетом безработицы в странах ЦВЕ положение станет еще хуже, так как там ее уровень еще выше. После вступления в Союз граждане не только этих стран, но и нынешних членов ЕС потеряют свои законодательные привилегии при найме. Рыба и нефть прибрежных вод Норвегии станут общеевропейским достоянием. Равные с норвежцами права по ее вылову получают англичане, французы, испанцы, затем поляки и многие другие. «Рыбный вопрос» в 1984 г. привел к выходу из ЕС датской автономии - Гренландии. Эта же проблема отчасти тормозит вступление в ЕС Исландии. Мальта не хочет терять экономические связи за пределами Союза в связи с введением единого таможенного тарифа.

Вышеперечисленные страны уже имеют дивиденды от участия в едином рынке, являясь членами единой зоны свободной торговли. Их политическая и военная безопасность обеспечивается либо членством в НАТО (Норвегия, Исландия), либо соглашениями с США (Мальта, Гренландия), либо особым геополитическим положением (Швейцария). Культурный обмен и сотрудничество, свобода передвижения граждан этих стран по Западной Европе обеспечены двусторонними соглашениями. Таким образом, уже имея те выгоды, которые сулит процесс

интеграции, они, однако, не заинтересованы в непосредственном членстве, которое сейчас может ухудшить их экономическое положение.

В связи с расширением ЕС перед ним возникают четыре блока проблем.

1. Институциональные. Органы управления «Европы 21» или «Европы 27» станут неработоспособными при их нынешнем устройстве, особенно при сохранении принципа единогласия. Попытка институциональных реформ в Амстердаме не удалась. Отмена принципа единогласия пугает большинство стран. Но необходимость проведения этих реформ до принятия решения о расширении официально признана.

2. Внешней политики и безопасности, так как расширение ЕС приблизит его границы к очагам нестабильности на Балканах и в СНГ. Это создаст условия для вовлечения Союза в эти конфликты.

3. Культурные, так как рост количества межкультурных контактов приведет к параллельному росту конфликтов на почве культурного недопонимания и несовместимости.

4. Социально-экономические. На наш взгляд, они являются наиболее серьезными.

Принятие в ЕС более 100 млн. восточных европейцев с низким уровнем ВВП на душу населения приведет к понижению его среднего по Союзу показателя примерно на 20%. Понизится средний уровень, на котором в соответствии с маастрихтскими решениями будет происходить конвергенция экономик и социальных систем. Пессимизм по этому поводу в относительно развитых странах прямо пропорционален оптимизму бедных.

Только Словения, Чехия и Кипр имеют душевой уровень ВВП, приближающийся к греческому и португальскому, - примерно 60 - 65% к среднему по ЕС. Эти страны могут быть приняты без значительных бюджетных вложений. Уровень Словакии, Венгрии, Польши, Турции – 30 - 40%, остальных стран – 20 - 25%⁵. Принятие этих стран подорвет систему дотаций ЕС, систему внутренних цен на сельскохозяйственную продукцию, вызовет отток инвестиций с запада на восток, затруднит углубление интеграционных процессов. Для выравнивания уровней развития стран Восточной Европы необходимо в течение 15 – 20 лет вкладывать, по нашим подсчетам, не менее 200 млрд. евро в год только частных инвестиций. Хотя Западная и Восточная Европа как объединенная экономическая модель будут функционировать эффективнее, чем отдельно, опыт показывает, что европейцы не готовы жертвовать важными текущими национальными или корпоративными интересами ради отдаленного общеевропейского блага.

Ухудшится криминогенная обстановка, так как усилится “экспорт” преступности и бедности с востока Европы на запад. Возможно усиление националистических настроений как на западе, так и на востоке. На западе они будут продуцироваться нарастающей конкуренцией за рабочие места и требованиями субсидий для востока. На востоке неизбежен кризис ожиданий, поскольку реально предос-

тавленная безвозмездная помощь несомненно окажется ниже ожидаемой. Доминирование западного капитала и западного менеджмента в экономике и политике скажется усилением ощущения второсортности у восточных европейцев.

От бизнеса и чиновничества ЕС потребуются серьезнейшие усилия, готовность к уступкам со стороны старых членов и широчайшему общественному компромиссу, аккуратность и осторожность в проведении культурной, межнациональной и особенно социальной и структурной политики. Распределение средств структурных фондов, обеспечивающее ускоренное развитие отстающих регионов, имеет важное значение для стран ЦВЕ. Уровень дотаций на сельскохозяйственную продукцию в ЦВЕ будет выше, так как выше ее доля в ВВП в этом регионе. Политика ограничения средств, распределяемых структурными фондами, проводимая сейчас в ЕС, приведет к сокращению объемов того «пирога», который мечтают получить восточные европейцы.

Серьезные проблемы ожидают ЕС особенно в сфере выработки единой социальной политики, так называемой «европейской социальной модели».

После Маастрихта в ЕС выделяются одиннадцать основных направлений сотрудничества в экономической и социальной сферах:

- 1) условия труда, защита безопасности и здоровья трудящихся;
- 2) социальная защита;
- 3) использование труда иммигрантов;
- 4) охрана окружающей среды;
- 5) научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки;
- 6) промышленная политика;
- 7) трансъевропейские инфраструктуры: транспорт, телекоммуникации, энергетика;
- 8) защита потребителей;
- 9) образование, подготовка кадров;
- 10) здравоохранение;
- 11) культура⁶.

Для урегулирования возникающих проблем была принята «Социальная повестка дня» (Social Agenda). Нынешняя «Социальная повестка дня», принятая на встрече в Ницце в декабре 2000 г., учитывающая решения 1997 г. Амстердамского и Люксембургского заседаний Европейского Совета, предусматривает следующие приоритетные цели социальных программ ЕС:

- 1) увеличение числа рабочих мест;
- 2) улучшение условий труда;
- 3) защиту прав трудящихся в условиях меняющейся экономики;
- 4) гендерное равноправие;
- 5) ликвидацию бедности;
- 6) борьбу с дискриминацией любого рода⁷.

Учитывая важность достижения этих целей, Международная Организация Труда совместно с Министерством занятости Франции выступили с инициативой ежегодного проведения «социального Давоса»⁸. Комиссия ЕС намерена израсходовать в 2001 - 2005 гг. 60 млрд. евро через Европейский Социальный Фонд на «инвестиции в людские ресурсы и модернизацию рынка труда»⁹.

Расширение ЕС создавало и создает дополнительные трудности практически по всему списку приоритетных целей и направлений социальной политики, тем большие, чем выше уровень интеграции внутри блока. Вступление в 1970 - 1980-х гг. (в период существования ЕЭС в качестве таможенного союза на пути к экономическому и валютному союзу) не требовало от кандидатов столь кардинальных решений по изменению социальной модели. Сейчас, когда ЕС переходит от проблем экономической интеграции к проблемам политической и социальной интеграции, внешняя планка для кандидатов на присоединение существенно повысилась.

Кроме того, острота социальных проблем в ЦВЕ несоизмеримо выше, чем в странах - нынешних членах Союза. Чтобы стимулировать решение социальных проблем кандидатов на вступление в ЕС силами самих этих стран, весной 1998 г. была сформирована так называемая «первая волна» из Эстонии, Польши, Чехии, Венгрии, Словении, Кипра. Страны «первой волны» будут приняты первыми, но состав этой группы может быть изменен в зависимости от успехов каждой из стран и их соответствия «Копенгагенским критериям» 1993 г., дополненным в 1995 г. Из шести основных критериев социальной политики касается четвертый - способность изменить внутреннее устройство и воспринять правовую систему ЕС, а также отчасти второй и третий критерии - уважение прав человека и наличие «нормальной» рыночной экономики¹⁰.

Решение о разделе на две группы, на наш взгляд, позволяет ЕС избежать фронтального контакта с кандидатами, разделить и разобщить их, устроить своеобразные «бега», поощряя наиболее способных «учеников». Группу аутсайдеров, вопрос о членстве которых будет рассматриваться позже, сейчас составляют Латвия, Литва, Словакия, Румыния, Болгария, Турция. Словакия уже заявила протест, так как по объективным критериям готовности экономики и проводимым реформам она опережает Эстонию, не имеет подобных проблем с национальными меньшинствами. Активно, но безуспешно протестует и Турция.

Очевидно, что если ЕС превращается в единое государство со своими геополитическими интересами, то уже сейчас эти интересы должны существовать, по крайней мере, в зародыше. Демонстративное включение в первую группу Эстонии свидетельствует, на наш взгляд, о стремлении «застолбить» регион, лишить Россию геополитических иллюзий о возможности восстановления своего влияния в Прибалтике.

С позиций кратко- и среднесрочных интересов России расширение ЕС выгодно, так как максимально широкий ЕС будет также максимально рыхлым и струк-

турно аморфным. Чем большее количество государств станут его новыми членами, тем позже он превратится в единое государство. Однако в долгосрочной перспективе развитие событий приведет к тому, что ЕС-государство будет очень мощным и Россия превратится в слабую периферийную державу. Данный эффект будет усилен возможной изоляцией или самоизоляцией России от европейских интеграционных процессов, в том числе и в социальной сфере. Поэтому Россия заинтересована в своем участии в интеграционных проектах, особенно в социальной сфере, учитывая крайне тяжелое, несовместимое со статусом современного авторитетного государства положение в ней.

В настоящее время и в среднесрочной перспективе оптимальным вариантом было бы участие России в зоне свободной торговли. Таможенный союз нам менее выгоден, так как он отсечет от нас азиатских партнеров и уменьшит возможности экономического и политического маневрирования между Европой, Азией, Америкой. Экономический и валютный союз невозможен ввиду большого разрыва в уровнях развития экономик. Кроме того, получение европейскими компаниями равных прав хозяйственной деятельности на территории России повлечет за собой серьезное осложнение положения молодого российского бизнеса, не располагающего большим опытом и капиталами. Отказ от патернализма в экономической политике России преждевременен. Российские ресурсы при вступлении в ЕС также станут общеевропейским достоянием. Для российских граждан сейчас это невыгодно.

В долгосрочной перспективе России придется сотрудничать и одновременно конкурировать, по крайней мере, с тремя зонами интеграции - европейской, азиатской, американской. Оптимальным вариантом здесь было бы не присоединение к одной из этих группировок, а совместное участие в мировых интеграционных процессах на правах самостоятельного регионального центра. Однако при отсутствии сил и возможностей для самостоятельной мировой политики предпочтение следует отдавать европейской зоне. Она более благоприятна по отношению к России в политическом, социальном, культурном и религиозном аспектах, менее опасна в демографическом.

Демографический фактор (старение населения в Западной Европе, увеличение числа пенсионеров) также делает расширение ЕС и одновременное реформирование социальной модели неизбежными.

Таким образом, расширение Союза создает социальные проблемы и в то же время облегчает решение наиболее острых из них. Эти проблемы и выработка единой социальной политики также создают препятствия процессу расширения зоны интеграции и с необходимостью требуют его.

➤ Примечания

¹ Договоры, учреждающие Европейские сообщества. 1994. С. 247-248.

² Единый Европейский Акт. Договор о Европейском Союзе. М., 1994. С. 17.

³ Там же. С. 174-175.

⁴ Там же.

⁵ Евро. 1999. № 3. С. 14.

⁶ Европа. 1994. № 1. С. 7.

⁷ Европейский Союз: факты и комментарии. Вып. 23. М., 2000. С. 18.

⁸ Там же. С. 19.

⁹ Там же.

¹⁰ Европейский Союз: факты и комментарии. Вып. 22. М., 2000. С. 25-26.

Т.А. Казакова

Позиция национального промышленного капитала в отношении экономического планирования в колониальной Индии

Проблема генезиса экономического планирования в Индии в отечественной литературе изучена недостаточно. Если современному этапу разработки планов развития экономики независимой Индии уделялось много внимания¹, то аналогичные процессы в период до 1947 г. исследовались в меньшей степени и тенденциозно. Это можно отнести к монографиям А.И. Левковского и В.И. Павлова. Эти ученые и по сей день являются столпами отечественной индологии в области изучения социально-экономических процессов в колониальной Индии². Зарубежные, прежде всего индийские, ученые внесли большой вклад в исследование проблем экономического планирования в Индии³. Между тем до недавнего времени специальных работ, посвященных участию националистически настроенных деловых кругов в формировании стратегии планирования, практически не было. В связи с этим хотелось бы отметить статью Р. Чаттопадхьи «Индийский бизнес и экономическое планирование (1930 - 1956)», вышедшую в качестве главы в коллективной монографии «Бизнес и политика в Индии»⁴. В этой статье впервые делается попытка дать развернутую картину формирования экономических взглядов национального предпринимательства в колониальный период. Автор убедительно доказывает, что в первой половине XX в., в условиях национально-освободительного движения, планирование было избрано и одобрено крупным промышленным капиталом в качестве перспективной экономической политики, а сама идея планирования в Индии принадлежит его представителям.

Цель настоящей статьи - проанализировать причины изменения отношения индийской национальной буржуазии к доктрине экономического планирования в колониальный период. Для этого необходимо дать картину процесса развития экономической мысли Индии, результатом которого явились концепции собствен-

но планирования. Важно также проследить, каким образом политическая ситуация в стране (деятельность колониальной администрации, национально-освободительное движение) влияла на отношение крупнейших представителей промышленного предпринимательства к идее разработки планов экономического развития. Одна из основных задач исследования - рассмотреть взгляды «капитанов индустрии» на собственное место в экономической структуре независимого государства, формировавшейся в конце колониального периода. Для этого в качестве источников привлекаются опубликованные в Индии в 30 - 40-х гг. XX в. проекты планов экономического развития, авторами которых явились ведущие предприниматели, а также некоторые правительственные документы, касающиеся стратегии экономического развития страны⁵.

Хронологические рамки статьи охватывают период с середины XIX до середины XX в. Такой выбор обусловлен, с одной стороны, началом формирования национального промышленного капитализма в Индии. Под его влиянием происходило развитие индийской экономической мысли вообще и в области планирования в частности. Верхняя граница хронологических рамок обусловлена достижением независимости Индии, в результате чего доктрина экономического планирования стала государственной стратегией.

Влияние крупного бизнеса на появление и развитие концепций планирования в колониальной Индии было непосредственным и преобладающим вплоть до формирования независимого правительства. Сама логика экономического развития страны в колониальных условиях «подталкивала» деловые круги к идее позитивного и предсказуемого, т.е. планируемого, вмешательства государства в экономику в целях протекционизма. Именно этот факт запечатлело развитие индийской экономической мысли во второй половине XIX – первой половине XX в.

На процесс этого развития оказывали влияние два основных фактора: политика колониального правительства и национально-освободительное движение. По мнению Р. Чаттопадхьи, генезис идеи планирования следует искать в трудах известных ученых, основателей доктрины «экономического национализма» М.Г. Ранаде, Д. Наороджи, Р.Ч. Датта, Г.К. Гокхале. Их теоретические выкладки содержат ключевое положение об этатизме как средстве возрождения индийской экономики⁶. Этатизм в их понимании означал, прежде всего, протекционизм. Действительно, промышленное развитие Индии началось только во второй половине XIX в. и концентрировалось главным образом в текстильной отрасли. При этом индийские фабриканты были вынуждены закупать оборудование для своих предприятий в Англии, так как его производство в колонии не было налажено. Кроме того, им приходилось выдерживать конкуренцию с продукцией, произведенной в метрополии и других промышленно развитых странах. Таким образом, деловые круги нуждались в поддержке со стороны колониального правительства, поскольку их главной целью было продолжение индустриализации. Но метрополия, забо-

таясь об интересах собственного промышленного развития, была заинтересована, по справедливому наблюдению советских ученых, в превращении Индии в аграрно-сырьевой придаток Великобритании. Для этого английский капитализм формировал в колонии такие условия, которые максимально благоприятствовали выкачиванию дани, ускоряющей его развитие⁷. Попытки легитимного решения вопроса о протекционизме не принесли желаемых результатов. Деятельность Национального конгресса, образованного в 1885 г. по инициативе крупных помещиков и буржуазии и представлявшего главным образом их интересы, в этом отношении не была эффективной.

Желаемую поддержку индийской промышленности оказало национально-освободительное движение, в частности его специфическая форма - движение «свадеши», что означает свое, отечественное, национальное движение. Само появление свадеша как формы протеста против экономической политики Великобритании в Индии индийские ученые относят к 1849 г. В этом году в г. Пуна Гопалрао Дешмукх выступил на страницах местной газеты «Прабхакар» в защиту потребления индийских товаров вместо импортных⁸. В Бенгалии в 1867 г. Набогопал Митра организовал «Хинду Мила» (Национальное собрание). Одной из основных задач «Мила» было поощрение местных товаропроизводителей путем организации выставок национальной ремесленной продукции⁹. Представители свадеша, таким образом, в своей борьбе обращались к традиционным для Индии способам производства продукции (т.е. ручному ремеслу и ткачеству) как к источнику процветания общества.

Свадеша способствовало и развитию индийской экономической мысли. К началу XX в. в Индии сложились два ее направления, оппозиционные колониальному правительству. Первое направление – умеренное - отражало позицию деловой элиты и было представлено облеченными в конституционную форму требованиями о протекционизме и поддержке крупной национальной промышленности. Второе – свадеша - призывало вернуться к традиционным методам производства и бойкотировать импортные товары. Оно опиралось на массовую поддержку населения, включая мелкобуржуазные круги.

Из этих двух направлений первое было представлено крупными промышленными магнатами, которые формировали позицию крупного бизнеса по отношению к колониальному правительству. Теоретики деловых кругов критиковали британскую политику фритредерства, и это привело их к идее позитивного участия государства в экономической жизни страны. Еще в 1903 г. Г.К. Гокхале писал о том, как он понимает это участие: «Что действительно сейчас требуется, так это большая и исчерпывающая схема развития морального и материального благосостояния людей, намеченная с особой осторожностью и предвидением. Затем ее должно твердо и равномерно придерживаться. Из года в год достижения должны сверяться»¹⁰. Таким образом, если еще и нельзя говорить о появлении идеи собственно

планирования, то Гокхале был предвестником того, что позже должно было принять форму сознательного усилия в этом направлении¹¹.

В конце 20-х гг., когда оформилось новое поколение теоретиков экономической мысли Индии, ратовавших за протекционизм и индустриализацию (В.С. Кейл, Б. Саркар, К.Т. Шах и др.), в рядах предпринимательства произошло размежевание. Национально-буржуазные деловые круги, оппозиционные экономической политике колониального правительства, объединились в 1927 г. в Федерацию индийских торгово-промышленных палат (ФИТПП). Эта организация противопоставляла себя существовавшим к этому времени Объединенным торгово-промышленным палатам Индии (ОТППИ), где доминировал преимущественно европейский и компрадорский капитал. К 1930 г. ФИТПП стала руководящим органом индийского корпоративного бизнеса, а ее лидеры формировали и озвучивали позицию делового сообщества по отношению к политической и экономической ситуации в стране¹².

1930-е гг. можно считать первым этапом развития индийской экономической мысли в области планирования. Следует отметить, что сам факт возникновения идеи экономического планирования в Индии нельзя считать явлением уникальным. Оно было скорее характерным для 30-х гг. XX в. Советский Союз, США, Германия, да и Великобритания предлагали варианты планирования не только для своих стран, но и для мирового сообщества. Период бурного обсуждения индийской общественностью различных концепций, носящих характер долгосрочных и краткосрочных планов развития страны, также пришелся на 30-е гг. Это время отмечено появлением теоретических разработок, представлявших собой попытки выразить отношение различных политических сил Индии к этому актуальному и модному тогда явлению. Не остались в стороне и правительство вице-короля, и Национальный конгресс, и представители национального промышленного капитала.

Таким образом, именно в 30-х гг. идея планирования начинает распространяться в Индии, впервые - среди представителей крупной буржуазии. Этому способствовали несколько факторов. Во-первых, ситуация в стране в связи с Великой депрессией ударила прежде всего по частному промышленному сектору, не защищенному протекционистскими мерами государства. Эта ситуация диктовала деловым кругам необходимость изобретения средства для выхода из кризиса. Во-вторых, накопленная теоретическая база - буржуазная концепция «экономического национализма» - позволяла им такое средство сформулировать. В-третьих, опыт других стран был примером, который только надо было правильно использовать, имея в виду индийскую специфику и собственные классовые интересы. Все эти события в совокупности повлияли на возникновение идеи планирования как средства для спасения индийской экономики, «прописанного» еще в 1903 г.

Непосредственным толчком к разработке концепций планирования стали действия колониального правительства. Попытки создать определенный механизм

планирования «сверху» производились Дж. Шустером, советником по вопросам финансов в Совете при вице-короле. Первичная идея принадлежала правительству Великобритании и была направлена на преодоление Великой депрессии. А в Индии планирование должно было стать и экономическим решением политического кризиса, порожденного крепнущей силой национально-освободительного движения, поддержанного ФИТПП. Представители индийского бизнеса, получив приглашение поработать в составе Совета в качестве неофициальных консультантов, отказались от него¹³. Это объясняется тем, что их роль в составе этого органа предполагалась как чисто формальная, призванная обеспечить лояльность по отношению к деятельности правительства со стороны индийской общественности. К тому же лидеры националистически настроенного делового сообщества к этому времени приняли решение о выработке собственной концепции планирования. Поэтому в середине 30-х гг. деловой мир выпустил в свет два проекта, представлявшие собой планы экономического развития страны и отражавшие его видение этой проблемы.

Один из них был составлен М. Висвесварайей и назывался «Планируемая экономика для Индии». М. Висвесварайя, инженер по образованию, не был ни политиком, ни экономистом, зато, как чиновник, он имел опыт руководства правительством княжества Майсур. Там он приобрел известность благодаря своим попыткам модернизировать экономику и администрацию княжества. Кроме того, он некоторое время служил в Индийской гражданской службе и посещал зарубежные государства для заимствования опыта у ведущих экономистов Японии, США и европейских стран. Труд, вышедший в 1934 г., провозглашал главной целью экономической политики индустриализацию, интенсивное промышленное развитие страны¹⁴. По его мнению, индустриализация являлась единственным средством против экономического недуга Индии, порожденного перенаселением. Население же должно постепенно перетекать из сельского хозяйства в промышленность. В своей работе Висвесварайя предлагал и механизм осуществления экономических планов. В целом, по мнению индийских ученых, труд М. Висвесварайи представлял собой либерально-капиталистическую идеологию модернизации, применимую к индийской действительности¹⁵. Безусловно, его воззрения находились в русле интересов индийской буржуазии.

В то же время лидеры делового сообщества и сами высказывались по этому поводу, благо трибуна в лице ФИТПП была к их услугам. В частности, Г.Д. Бирла, инициатор образования этой организации, проявил себя как последовательный сторонник планирования. В 1934 г. на ежегодном собрании ФИТПП он произнес развернутую речь, настаивая на необходимости разработки планов социально-экономического развития и предлагая свой вариант такого плана. Впоследствии эта речь была издана ФИТПП в виде отдельной брошюры. Стартовой мыслью для него стала проблема решения вопроса о бедности. Решение, как и Висвесварайя,

Бирла видел в индустриализации, которая должна была поднять уровень жизни населения¹⁶.

Таким образом, к середине 1930-х гг. идея планирования уже была взята на вооружение деловым сообществом. Публикация проектов М. Висвесварайи и Г.Д. Бирлы завершает первый этап развития индийской экономической мысли в области планирования. На этом этапе бизнес оказывал непосредственное влияние на складывание концепции планирования. При этом патриотически настроенные предприниматели, действуя заодно с Национальным конгрессом, по-прежнему брали на себя «экономическую часть» требований, предъявляемых освободительным движением к колониальному правительству.

Начало второго этапа развития индийской экономической мысли в области планирования приходится на конец 30-х гг. В 1938 г. Национальный конгресс, «партия всей страны», в которой также были представлены интересы промышленного предпринимательства, поддержал идею планирования, активно проповедуемую деловыми кругами. В 1938 г. С.Ч. Бос, президент Конгресса, объявил о создании Национального комитета по планированию в рамках партии. Комитету было дано задание сформулировать приемлемую схему национального планирования. С.Ч. Бос и другой лидер Конгресса, Дж. Неру, выступали за индустриализацию как средство решения экономических и социальных проблем индийского общества¹⁷.

Работа Комитета, возглавляемого Дж. Неру, была замечательна тем, что в ней приняли участие такие представители делового сообщества, как Г.Д. Бирла, Л. Шри Рам, А.Д. Шрофф, П. Тхакурдас, А. Сарабхаи (все члены ФИТПП), а также М. Висвесварайя. Таким образом, промышленники получили возможность, по критическому замечанию Дж. Неру, изнутри смотреть за своими интересами¹⁸. Национальный конгресс, вне всякого сомнения, готовился в будущем стать правящей партией независимой страны. И лидеры делового сообщества стремились обеспечить себе достойное место в тогда уже формировавшейся новой экономической модели. В ходе работы Комитета наметились и первые противоречия между крупным частным бизнесом и Конгрессом. Так, дискуссии разгорались по вопросу о том, какой должна была быть роль государства в планировании и индустриализации. В частности, представителей делового сообщества не устраивала первоначальная позиция Комитета по вопросу о национализации ключевых отраслей промышленности. В итоге развернувшейся дискуссии в постановление были внесены поправки, соответствующие интересам частного бизнеса¹⁹.

В целом работа Комитета показала активное желание делового сообщества участвовать в процессе планирования будущего развития страны. Но его стремления уже вступали в противоречия и ограничивались действиями лидеров Национального конгресса, к которому перешла инициатива по составлению планов экономического развития. На этом этапе буржуазия еще имела непосредственную

возможность придать формировавшейся доктрине содержание, которое ее в большей степени устраивало.

Следующий этап развития концепции планирования приходится на время второй мировой войны. На этот раз инициатива вновь исходила от правительства. Это неудивительно, так как после подавления антианглийского движения «Вон из Индии» лидеры Национального конгресса находились в тюрьме. Поэтому в 1943 г. промышленники согласились принять участие в работе созданного колониальной администрацией Комитета реконструкции Совета при вице-короле. Его членами стали Г.Д. Бирла, А.Д. Шрофф, Г.Л. Мехта, П. Тхакурдас, М. Четтиар и ряд других видных предпринимателей.

Таким образом, деловое сообщество участвовало в работе и Комитета Конгресса, и колониального правительства. Однако деловой мир заявил и о собственной, независимой от кого бы то ни было позиции в отношении будущего экономического развития страны. Для этого Г.Д. Бирла и П. Тхакурдас, представлявшие интересы ФИТПП, объединили усилия с Дж.Р.Д. Тата, крупнейшим промышленником

из ОТППИ, и в 1944 г. подготовили документ, известный под названием «Бомбейский план»²⁰. В нем лидеры делового сообщества предлагали свои «рекомендации к выработке генеральных линий» экономического развития страны в независимых условиях²¹. При этом главной целью плана было ускоренное развитие ключевых отраслей индустрии в рамках частного предпринимательства. Этот документ свидетельствовал о силе корпоративного бизнеса, его желании и способности участвовать в процессе экономического развития страны. В 1945 г. были опубликованы результаты работы Совета при вице-короле, известные под названием «Промышленная политика Правительства Индии». Содержание документа констатировало большое влияние корпоративного бизнеса на формирование стратегии экономического развития. В официальных кругах признавалось, что правительственная политика сформулирована в том же ключе, что и «Бомбейский план»²².

Выходом в свет «Бомбейского плана» заканчивается третий этап эволюции отношения крупного бизнеса к экономическому планированию. Он зафиксировал качественное отличие от предыдущих. Если в 30-х гг. именно предприниматели выступали в защиту планируемого развития и считали разработку таких планов своей прерогативой, то 40-е гг. обрисовали иную ситуацию. Механизмы влияния и контроля над экономикой после войны неизбежно должны были перейти к новому, независимому правительству. Такое правительство мог возглавить только Конгресс, который под руководством Дж. Неру не стремился строить свою экономическую политику в русле интересов частного предпринимательства. Поэтому деловой мир использовал возможность еще раз заявить о себе как о силе, с которой все же придется считаться будущему правительству. По мнению некоторых отечественных исследователей, это были сформулированные условия будущего сотрудничества лидеров организованного бизнеса с государством²³.

Итак, собственно идея планирования появилась в Индии в начале 1930-х гг., по инициативе колониального правительства. Деловые круги подхватили эту инициативу и развивали ее в русле своих корпоративных интересов. В то же время с ростом национально-освободительного движения Конгресс стал выражать интересы более широких слоев населения, что сказалось и на его экономической политике. Работа Национального комитета по планированию показала наметившиеся разногласия по вопросу о роли государства в контроле над экономикой. В 40-е гг. крупный бизнес еще раз продемонстрировал свою силу и желание участвовать в разработке экономической стратегии государства, о чем свидетельствует деятельность предпринимателей в колониальном правительстве и выход в свет «Бомбейского плана».

С провозглашением независимости крупная буржуазия потеряла рычаги прямого воздействия на политику государства в области промышленности. Поскольку теперь эта политика заключалась в том, «что государство должно играть все более активную роль в развитии промышленности», а частное предпринимательство должно было стать направляемым и контролируемым²⁴, «капитаны индустрии» изменили тактику участия в формировании концепции экономического развития суверенной Индии. Такой тактикой для них стало лоббирование в парламенте, а стратегией - борьба за либерализацию экономики.

➤ Примечания

¹ См.: Рейснер Л.И., Широков Г.К. Планирование в Индии. М., 1969; Егоров И.И. Государственный капитализм в развивающейся экономике Индии. М., 1979; и др.

² Левковский А.И. Особенности развития капитализма в Индии. М., 1963; Павлов В.И. Формирование индийской буржуазии. М., 1958.

³ См.: Гадгил Д. Планирование и экономическая политика в Индии. М., 1963; Hanson A.H. The Process of Planning: A Study of India's Five Year Plans, 1950-64. Oxford, 1966; и др.

⁴ Chattopadhyay R. Indian Business and Economic Planning // Business and Politics in India. New Delhi, 1991.

⁵ Thakurdas P., Tata J.R.D. et al. A brief Memorandum Outlining A Plan of Economic Development For India. Bombay, 1944; Visvesvaraiya M. Planned Economy for India. Bangalore, 1934; Birla G.D. Indian prosperity: A Plea for Planning (published as a booklet by FICCI, 1934); Политика правительства в области промышленности // Шарма Т.Р. Размещение промышленности в Индии. М., 1958. Приложение.

⁶ Chattopadhyay R. Op. cit. P. 309.

⁷ Павлов В.И. Указ. соч. С. 138.

⁸ Chandra B. The Rise and Growth of Economic Nationalism in India. New Delhi, 1966. P. 123.

⁹ Chattopadhyay R. Op. cit. P. 310.

¹⁰ Chandra B. Op. cit. P. 313.

¹¹ Chattopadhyay R. Op. cit. P. 313.

¹² Ibid. P. 320.

¹³ Ibid.

¹⁴ Visvesvaraiya M. Op. cit.

¹⁵ Natraj L. An Analysis into the Political Aspects of Planning in India. New Delhi, 1986.

¹⁶ Birla G.D. Op. cit.

¹⁷ Natraj L. Op. cit. P. 61.

¹⁸ Nehru J. The Discovery of India. L., 1951. P. 373.

¹⁹ Chattopadhyay R. Op. cit. P. 325.

²⁰ Thakurdas P., Tata J.R.D. et al. Op. cit.

²¹ Ibid. P. 1.

²² Chattopadhyay R. Op. cit. P. 335.

²³ Черновская В.В. Внепартийные организации капиталистов в политической жизни Индии и Нигерии // Буржуазные партии и политическая борьба в странах Востока. М., 1987. С. 71.

²⁴ Политика правительства в области промышленности. С. 396.

О.Д. Куликова

Проблема ангажированности интеллигенции во Франции в 1930-е гг.

Феномен ангажированности всегда был в центре внимания французских историков, так как без него немыслимо понимание культурных и социальных процессов XX в., особенно 30-х - 60-х гг. В отечественной же исторической литературе не уделяется, на мой взгляд, должного внимания этой теме.

Словарь «Гранд Ларусс» формулирует термин «ангажированность» так: «Ангажированность - это выступление по политическим и социальным проблемам (относится главным образом к писателям, артистам, интеллигенции, которые в своих трудах и своей деятельностью занимают определенную политическую позицию)»¹. Следовательно, ангажироваться означает «занять активную позицию по политическим и социальным проблемам своего времени»².

Вообще ангажированность, по мнению историка Антуана Проста, это явление XX в., а точнее 30 - 60-х гг. Именно эти годы Прост называет веком Ангажированности (в единственном числе и с большой буквы). Именно в это время для определенной части интеллигенции слово «существование», «бытие» стало означать «бытие ангажированное». Ангажированность перестала быть прерогативой избранных и стала долгом для всех³.

Истоки ангажированности можно найти в XIX в. Основным событием, давшим модель ангажированности всем последующим поколениям интеллигенции, считается дело Дрейфуса. Именно тогда зародился способ воздействия на общест-

венное мнение посредством открытых писем, петиций и манифестов, подписанных известными людьми. Затем проявлением ангажированности можно назвать антифашистские организации 30-х гг., пацифистское движение, наконец, движение Сопротивления и даже коллаборационизм⁴.

В 30-х гг. появляются и первые попытки теоретического осмысления феномена ангажированности⁵. Свои представления об ангажированности были у различных общественных и политических движений Франции. Из довоенных теорий выделяют три главные: католическую, персоналистскую и коммунистическую.

Перед католиками в XX в. встала серьезная проблема - интеграция католиков в современное демократическое общество. Дело в том, что доктрина о власти, которую можно получить только от Бога, вступала в противоречие с практикой всеобщих демократических выборов, которая отрицала «природное неравенство», установленное Богом.

Церковь вынуждена была пересмотреть старые установки, приспособив их к реалиям своего времени. Теперь, когда католики оказались частью электората, их долгом стало голосовать за людей религиозных, добрых католиков, защищающих религию, семью и христианские ценности. Вскоре католиками была осознана и идея ответственности за свой выбор, за то общество, в котором они живут, и за то, каким оно может стать⁶.

Еще до войны во Франции начали появляться различные организации католического действия, где ставка в основном делалась на молодежь. Они не занимались благотворительностью; их целью было «нести» евангелие тем, кто его не знает. Но, как выяснилось, условия, в которых жила часть общества, например рабочая молодежь, препятствовали успешной евангелизации. Чтобы изменить эти условия, католикам было необходимо «ангажироваться в эту среду на уровне структуры» и воздействовать не только на людей, но и на саму структуру общества.

Таким образом, католическая ангажированность состоит в следующем: католики, особенно молодежь, члены движений католического действия, уже не ограничиваются тем, что просто правильно голосуют и подчиняются церковному авторитету; они активно содействуют трансформации общества согласно своим идеалам⁷.

Персоналистская теория ангажированности была разработана во многом благодаря журналу «Эспри» и его руководителю Эммануэлю Мунье. Хотя журнал был светским, его сотрудники являлись убежденными католиками и были очень близки к католической среде. Поэтому они с большим уважением относились к католической теории, но при этом глубже, чем католики, разрабатывали идеи об экзистенциальном долге и ответственности.

Для персоналистов человек тогда становится полностью человеком, когда он ангажирован. В отличие от других теорий ангажированности персоналистская открыта для любых идей, если только они не противоречат достоинству личности. В

то же время она не дает личности «раствориться» в своей ангажированности, не дает ограничиваться службой одному классу или тем более партии. Это позволило «Эспри» расширить после войны свое влияние на близкую к коммунистам интеллигенцию (и в какой-то степени на самих коммунистов), а в 1949 г. отмежеваться от них⁸.

Персоналисты на философском уровне обосновывают идею активной борьбы интеллигенции против любого фанатизма, под которым они понимают одержимость какой-либо идеей, подаваемой как полная и абсолютная истина⁹.

Наше личное существование, считали они, тесно связано с судьбой коллектива, общества, той социальной группы, к которой мы принадлежим и которая, в свою очередь, действует в истории. Человек должен понимать, что он ответственен за свои действия: выбирая то или иное действие, он выбирает и будущее человечества. Эта мысль логически подводит персоналистов к идее ответственности за свой выбор. И «от этой ответственности перед будущим не может нас освободить даже Бог»¹⁰.

Одной из важнейших теорий ангажированности в то время была коммунистическая. До войны коммунистическая интеллигенция разделилась на две части - те, кто целиком ставил себя на службу партии, и те, кто считал нужным дистанцироваться от нее. Первые, такие, как Луи Арагон, считали, что истинная ангажированность может проявляться только в партии. Партия казалась им спаянной в борьбе за рабочий класс общностью ангажированных активистов.

Французская коммунистическая партия требовала от своих сторонников тотальной ангажированности. Это требование имеет корни в историческом прошлом страны и партии. Во время войны ангажированность Сопротивления требовала жертвовать собой, а иногда и близкими, идти на страдания во имя общего дела¹¹. Самопожертвование, благородство, мужество, решительность, альтруизм - именно эти качества культивировала коммунистическая модель ангажированности. А противники обвиняли ее в отсутствии критического начала, в полной покорности и в отказе от индивидуальности¹².

Центральное место в этой теории занимает партия, которая дает своим членам ряд обязательных идеологических предписаний, требует уважения и преданности по отношению к партийному руководству, советскому правительству, рабочему классу, подчинения партийным директивам. Партия поддерживает веру в светлое будущее и в неизбежную победу коммунизма над капитализмом, империализмом и фашизмом¹³. Этот своеобразный «культ» партии отличает коммунистическую теорию от персоналистской и, наоборот, в какой-то степени роднит ее с католической, с той разницей, что в последней роль партии играет церковь.

Если до войны было распространено пренебрежительное отношение к политикам как к мелочным, корыстным интриганам, а к политике как к грязному делу, то коммунистическая партия после войны создала образ благородной бескорыст-

ной политики коммунистов и всячески поддерживала этот идеал, клеймя буржуазию и подчеркивая свою непреклонность в оппозиции¹⁴.

ФКП имела разветвленную «систему действия» - профсоюзы, сеть местных организаций, через которые внедрялись коммунистические ценности. Это был определенный стиль жизни, который пропагандировала партия. Впечатление от гегемонии коммунистов на работе и даже в семье, чувство принадлежности к «лагерю» приводили некоторых деятелей к тотальной форме ангажированности, которая целиком наполняла не только их общественную деятельность, но и личную жизнь. К тому же партия изобрела систему поощрений и наград, одновременно вознаграждая за ангажированность и побуждая к ней¹⁵.

Исследователи отмечают, что коммунистическая теория ангажированности не была чем-то раз и навсегда твердо установленным. Она несколько видоизменялась в зависимости от условий, при которых ее предстояло воплощать в практику (будь то деревня, город, индустриальный центр, юг или север Франции). Особенности ангажированности зависели от того, преобладали коммунисты в данной местности или нет. «Уровень» ангажированности также соответствовал определенной иерархии в партии. Партийные активисты, в отличие от простых членов, уже утвердились в своем жизненном выборе и посвящали большую часть своего времени партийной деятельности. А руководство партии, начиная с секретарей ячеек, уже вступает в зону повышенной ответственности за свои действия¹⁶.

Атмосфера тотальной преданности делу, когда приходилось рвать большинство связей с внешним миром ради службы партии, сильнейшая вера в СССР, в роль рабочего класса, в коммунизм как в лучшее будущее (что и составляет фундамент коммунистической теории ангажированности) дает некоторым исследователям повод сравнивать ее с религией. Человек, покинувший ряды партии, ощущал пустоту, которую раньше заполняла партия¹⁷.

Влияние коммунистической ангажированности в первые годы после освобождения было так сильно, что в сознании многих людей сам феномен ангажированности означал службу партии.

После войны самой популярной, самой модной теорией ангажированности стала теория Ж.-П. Сартра, близкая по своим идеям к персоналистской. Но и довоенные теории продолжали оказывать свое влияние на определенную часть общества. Без анализа, изучения этих идей невозможно понять и объяснить тот интерес к политике, который проявляла еще совсем недавно аполитичная французская интеллигенция; найти тот стимул, который заставлял ее активно действовать на политической арене страны в 1950-е гг.

➤ Примечания

¹ Grand Larousse de la langue française. P., 1986. T. 2. P. 1622.

² Ibid. P. 1623.

³ Prost A. Changer le siècle // Vingtième siècle. Revue d'histoire. 1998. № 60. P. 14-15.

⁴ «Начало “эры ангажированности” имело место... в течение 1930-х годов» / Histoire culturelle de la France / sous le direction de Rioux J.-P., Sirinelli J.-F. P., 1998. Т. 4. P. 214, а также: Ory P., Sirinelli J.-F. Les Intellectuels en France, de l’Affaire Dreyfus a nos jours. P., 1986. P. 146-147.

⁵ Prost A. Changer le siecle // Vingtieme siecle. Revue d’histoire. P. 19.

⁶ Ibid. P. 20.

⁷ Ibid. P. 22. См. также: Winock M. Histoire politique de la revue «Esprit» 1930 - 1950. P., 1975.

⁸ Landsberg P.-L. Reflexions sur l’engagement personnel // Vingtieme siecle. Revue d’histoire. 1998. № 60. P. 120.

⁹ Ibid. P. 119.

¹⁰ Prost A. Changer le siecle // Vingtieme siecle. Revue d’histoire. P. 24.

¹¹ Lazar M. Le parti et le don de soi // Vingtieme siecle. Revue d’histoire. 1998. № 60. P. 35.

¹² Ibid. P. 37.

¹³ Prost A. Changer le siecle // Vingtieme siecle. Revue d’histoire. P. 23-24.

¹⁴ Lazar M. Le parti et le don de soi // Vingtieme siecle. Revue d’histoire. P. 38.

¹⁵ Ibid. P. 40.

¹⁶ Ibid. P. 41.

С.Ю. Федоров

Трансформация НАТО в 1990-е гг: приобретение альянсом миротворческих функций

Становление нового мирового порядка после окончания холодной войны сопровождалось изменением места и роли в международных делах главных действующих лиц мировой политики, изменением основополагающих принципов построения международной системы. В 90-х гг. особую актуальность приобрели вооруженные операции, направленные на урегулирование кризисных ситуаций, на вмешательство во внутренние дела государств, которые, как считается, нарушают международное право, демократические или гуманитарные нормы. Наиболее наглядными примерами стали операция против Ирака с целью пресечения агрессии против Кувейта, принуждение к миру на заключительном этапе внутреннего конфликта в Боснии, восстановление законности на Гаити и Сомали, операция по восстановлению этнической справедливости в Косово.

Соответствующие изменения произошли в целом ряде международных структур, обеспечивающих безопасность. Одним из значительных процессов стали преобразования в Организации Североатлантического договора (НАТО), на-

правленные на адаптацию альянса и его политики к новой ситуации в Европе, не разделенной более на противоборствующие лагеря. В Лондонской декларации Североатлантического Совета, принятой в июле 1990 г., провозглашалось увеличение политической составляющей НАТО и усиление невоенных функций альянса. Одним из показателей такого преобразования послужило все более активное вмешательство НАТО в решение международных проблем, в том числе и напрямую не затрагивающих ее стран-членов, и приобретение альянсом миротворческих функций, относившихся ранее к исключительной компетенции Организации Объединенных Наций.

Глобальной предпосылкой для процессов трансформации НАТО послужило изменение общей военно-политической и международной обстановки в Европе. Исчезновение угрозы с востока (о чем было открыто заявлено в ходе встречи М. Горбачева и Дж. Буша на Мальте в декабре 1989 г.) фактически означало для НАТО утрату своего *raison d'être*, поскольку смысл его существования и заключался в сдерживании возможной агрессии со стороны «Восточного блока». В этих условиях альянс должен был либо стать, по выражению американского политического обозревателя Г. Фрэнкела, «динозавром, отжившим свой век», либо «найти новый смысл своего существования»¹.

Смысл был найден именно в универсализации характера и задач Североатлантического союза, а также в расширении круга угроз, с которыми сталкивается альянс в современном мире. Как указывалось в Стратегической концепции НАТО, принятой на Римской сессии Североатлантического совета в ноябре 1991 г.², угроза «одновременного полномасштабного нападения на всех европейских фронтах НАТО в стратегии союзников больше не является объектом первостепенного внимания» (ст. 8). Ее место заняли угрозы, возникающие в результате «неблагоприятных последствий нестабильности, которая может быть вызвана серьезными экономическими, социальными и политическими трудностями, включая межнациональные конфликты и территориальные споры» (ст. 10). Безопасность союзников, согласно этому документу, теперь «неразрывно связывалась с безопасностью всех других европейских государств» (ст. 34), а цель существования альянса расширительно толковалась как стремление к установлению «справедливого и прочного мирного порядка в Европе» (ст. 16).

Новые угрозы, новые задачи альянса потребовали провозглашения нового «широкого подхода к безопасности», который, наряду с развитием диалога и сотрудничества со всеми без исключения государствами Европы и коллективной обороны союзников, предусматривал также применение целого ряда политических и иных мер (включая «меры военного характера») по преодолению кризисных ситуаций в Европе (ст. 33). Это позволило руководству НАТО уже в 1992 г. выступить с предложением о поддержке силами альянса миротворческой деятельности СБСЕ и ООН. В свою очередь переориентация союза в политической сфере на решение задач кризисного урегулирования и миротворчества вызвала соответст-

вующие изменения и в военной стратегии НАТО. Новые задачи потребовали повышения гибкости и мобильности вооруженных сил НАТО, что в итоге нашло выражение в принятой концепции многонациональных оперативных сил (Combined Joint Task Force).

Одним из факторов, способствовавших повышению активности НАТО в данной сфере, стало падение к середине 90-х гг. значения и влияния Организации Объединенных Наций. Проведенная с санкции Совета Безопасности ООН успешная акция возглавляемой США коалиции по освобождению Кувейта от иракской оккупации вызвала большие надежды на возрождение эффективности как ООН, так и всего механизма коллективной безопасности. Однако после неудач ооновских миротворческих контингентов в Сомали, Руанде, Хорватии и на начальном этапе боснийского урегулирования эти надежды начали таять.

Вследствие этого, руководство США, изначально поддерживавшее идею активного участия американских войск в миротворческих операциях ООН, пересмотрело свое отношение к данному вопросу. К лету 1994 г. президент Клинтон выпустил директиву № 25, в которой ужесточались условия участия США в акциях ООН. В частности, здесь содержалось условие об обязательном оперативном подчинении вооруженных сил США, задействованных в операциях ООН, американскому командованию или «такой компетентной региональной организации, как НАТО»³.

Таким образом, к середине 90-х гг. сложилась ситуация, в которой, в первую очередь с подачи США, наметилось разделение ответственности за поддержание мира между ООН как гарантам всей системы международных отношений и НАТО как наиболее эффективным инструментом урегулирования кризисов. По сути, речь шла об использовании материальных и технических ресурсов НАТО (в условиях их дефицита у ООН) для решения задач по восстановлению мира и безопасности на Европейском континенте. Следует признать, что по окончании холодной войны НАТО как военно-политический союз действительно представляла собой наиболее развитую структуру из всех существовавших в Европе многосторонних инструментов обеспечения безопасности.

С международно-правовой точки зрения, обретение Североатлантическим союзом миротворческих функций не было каким-либо отступлением от норм. В главе VIII Устава ООН, посвященной региональным соглашениям, указано, что самостоятельная и начатая по собственной инициативе деятельность региональных структур по восстановлению мира в зоне их ответственности всячески одобряется Уставом ООН (ст. 52, ч. 1). Более того, подчеркивается, что Совет Безопасности «должен поощрять развитие применения мирного разрешения местных споров при помощи таких региональных соглашений или таких региональных органов» (ст. 52, ч. 3). А статья 53 Устава прямо говорит о том, что «Совет Безопасности использует, где это уместно, такие региональные соглашения или органы для принудительных действий под его руководством», однако те не имеют права

на осуществление каких-либо принудительных действий «без полномочия от Совета Безопасности». При этом и Совет Безопасности, и региональный орган должны действовать в строгом соответствии с механизмом, предусматривающим применение действий в отношении угрозы миру, нарушений и мира, и актов агрессии, который прописан в главе VII Устава ООН.

Необходимо отметить, что само понятие миротворческих операций в Уставе ООН не сформулировано. Термин «операция по поддержанию мира» был введен Генеральной ассамблеей ООН позднее, в феврале 1965 г., однако четкого закрепления в официальных документах не нашел и до сегодняшнего дня. На практике должностные лица ООН и НАТО определяют миротворческие операции как «использование многонационального воинского контингента, вооруженного или без оружия, под руководством международного командования и с согласия сторон для оказания помощи в осуществлении контроля и разрешения конфликтов между враждующими государствами или отдельными частями государства»⁴.

Применяемая формулировка носит широкий характер и в каждом конкретном случае требует уточнения. Сейчас принято подразделять миротворческую деятельность на операции по установлению мира (peace-making), операции по поддержанию мира (peace-keeping) и операции по закреплению мира (peace-building)⁵. В последнее время часто также выделяют в отдельную категорию и операции по принуждению к миру (peace-enforcement).

Именно в такого рода акциях впервые и были использованы вооруженные силы НАТО в ходе урегулирования боснийского кризиса. Во исполнение резолюции Совета Безопасности № 770, санкционировавшей применение «всех необходимых мер» для обеспечения населения Боснии гуманитарной помощью, и резолюции № 781, запрещающей полеты самолетов воюющих сторон над территорией Боснии, и в координации с Генеральным секретарем ООН авиация Североатлантического союза в течение 1994 – 1995 гг. наносила неоднократные бомбовые удары по позициям боснийских сербов и сбила несколько сербских самолетов, появившихся в боснийском небе.

Подобные единичные акции, в целом не разрушавшие международно-правовую систему, но вызвавшие неоднозначную реакцию в мире, подготовили почву для более активного вмешательства североатлантических союзников в процесс урегулирования конфликта в Боснии. На следующий день после подписания 14 декабря 1995 г. в Париже Общего рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1031, в которой санкционировал размещение на территории республики многонациональных сил по выполнению мирного соглашения (Implementation Force - IFOR). Поскольку ООН не смогла обеспечить успешное выполнение миротворческой миссии силами по поддержанию мира (United Nations Protection Force - UNPROFOR), находившимися в Боснии с июня 1992 г., то оперативное руководство IFOR передавалось военным и политическим структурам Североатлантического альянса. По сути, опе-

рация по выполнению мирного соглашения по Боснии стала первой полноценной миротворческой миссией НАТО, которая началась 20 декабря 1995 г.

Мандат ООН, выданный на один год, предусматривал, что главной задачей IFOR является обеспечение выполнения военных аспектов Общего рамочного соглашения, изложенных в Приложении 1-А. Многонациональный миротворческий контингент под руководством НАТО, в котором приняла участие и Россия, достаточно успешно справился с задачей по установлению в Боснии мира. Миротворцы IFOR добились прекращения огня, к середине января 1996 г. разделили армейские силы Хорватско-мусульманской федерации и боснийской Республики Сербской и к середине марта организовали обмен захваченных территорий между ними, обеспечили отвод в установленные места всего тяжелого вооружения с обеих сторон, а кроме того, активно содействовали ОБСЕ в проведении первых выборов в Боснии в сентябре того же года.

В декабре 1996 г., по истечении срока мандата IFOR, министры иностранных дел и обороны стран-членов НАТО приняли решение о необходимости, в интересах сохранения стабильности, пониженного военного присутствия миротворческого контингента в Боснии. В соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 1088 от 12 декабря 1996 г., IFOR были сокращены и преобразованы в силы стабилизации (Stabilization Force - SFOR), продолжающие находиться на территории боснийской республики и до сегодняшнего дня.

Боснийский опыт миротворчества Североатлантического союза выявляет некоторые цели, для достижения которых блок НАТО в ходе своей трансформации пошел по пути приобретения миротворческих функций.

Во-первых, натовскому миротворческому контингенту, в отличие от контингента ООН, удалось прекратить вооруженный конфликт в Боснии и тем самым стабилизировать обстановку на Балканах и в Европе в целом.

Во-вторых, этот успех позволил руководству НАТО и США в частности обоснованно сделать ставку в деле обеспечения общей безопасности не на ООН как малоэффективный орган коллективной безопасности, а на НАТО.

В-третьих, проведение миротворческой миссии обеспечило сохранение, пусть и в преобразованном виде, военной структуры НАТО и, в частности, американского военного присутствия в Европе.

В-четвертых, присутствие контингента НАТО на Балканах обеспечило достижение интересов ведущих стран-членов альянса, и в первую очередь США, в этом регионе.

Но главным последствием активного участия Североатлантического альянса в урегулировании боснийского кризиса стало фактически его превращение из военно-политического блока в союз государств, претендующий на роль региональной (североатлантической, а в перспективе и общеевропейской) международной организации. Именно в середине 90-х гг. трансформация НАТО приобрела такой вектор развития. В этом смысле можно не согласиться с мнением К.С. Гаджиева, что

НАТО «качественной перестройке на путях учета сложившихся реальностей предпочла паллиативный путь количественного расширения»⁶, поскольку последовавшее расширение альянса стало не альтернативой его трансформации, а закономерным ее продолжением.

➤ Примечания

¹ Цит. по: Известия. 1990. 10 июля. С. 4.

² См.: North Atlantic Alliance's new strategic concept // NATO Review. Vol. 39. № 6. P. 22-31.

³ Цит. по: Современные международные отношения. М., 2000. С. 291.

⁴ NATO Review. Vol. 41. 1993. № 5. P. 15.

⁵ Подробнее см.: Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии. М., 1997. С. 116-122.

⁶ Гаджиев К.С. Геополитика. М., 1997. С. 249.

Н.Ш. Каркозашвили

Оценка консервативными английскими писателями американской демократии в 20 - 30-е гг. XIX в.

К началу XIX в. все более насущной становилась необходимость переустройства социально-политической системы Великобритании. Олигархизация власти, сосредоточенной в руках немногочисленной социальной элиты, засилье англиканской церкви, все еще заправлявшей многими сферами жизни, высокая степень поляризованности английского общества создавали, наряду с проблемами экономического порядка, почву для постоянно растущей социальной напряженности. Архаизм и несовершенство общественного устройства Англии казались особенно очевидными при сопоставлении английских реалий с порядками, установленными к тому времени в завоевавших независимость бывших британских колониях в Америке.

Уже с конца XVIII в. взоры передовых англичан, обеспокоенных будущим своей страны, были обращены к Соединенным Штатам - государству, созданному на основе широких демократических принципов и убедительно являвшемуся всему миру свою состоятельность и немалый потенциал дальнейшего развития. Успехи североамериканской республики побуждали многих английских радикалов, видевших в ней воплощение самых смелых своих идей, отправляться за океан для изучения и возможного применения у себя на родине "американского опыта". Впечатлениями от увиденного там они нередко делились на страницах специаль-

ных газетных и журнальных публикаций, отдельно изданных сочинений об Америке. Эти порой чрезмерно восторженные и далеко не всегда объективные суждения первых английских наблюдателей и положили начало так называемому "американскому мифу" - представлению об американской республике как об обществе всеобщего благоденствия, равенства и счастья. Вот одно из характерных высказываний об Америке, появлявшихся в радикальной английской прессе в то время: "Это - единственная республика на земле, которая заслуживает такое название, здесь все живут под защитой законов и законы принимаются всеми.... Эта страна, в которой благоприятно для всех решен религиозный вопрос, и отсутствуют те пороки, которые обычно бывают следствием праздности..."¹.

После завершения наполеоновских войн, в условиях дальнейшего обострения внутривнутриполитической ситуации в Англии стало усиливаться стремление консервативных кругов британского общества положить конец "проамериканской" агитации радикалов, выступавших таким образом за демократические преобразования в стране. Неприятие самой идеи прогрессивных социально-политических реформ среди правящей верхушки во многом строилось на убежденности в том, что уступки в этом направлении могут привести к дальнейшей радикализации ситуации в стране, повышению уровня требований со стороны оппозиции². В связи с этим торийские издания стали активно публиковать материалы, так или иначе дискредитирующие демократическое устройство американского государства и его граждан. Например, в первом выпуске журнала *Quarterly* за 1819 г. были помещены обзоры двух англичан, посетивших США, в которых американцы представляли безнравственными, невежественными, грубыми безбожниками - "как естественное следствие духа республиканизма, которым так гордится Америка"³.

Следует отметить, что в это же время стал заметно меняться социальный и профессиональный состав путешественников из Великобритании. Прежде это были главным образом представители среднего класса (юристы, журналисты, торговцы), а также рабочие и фермеры. Присущее большинству из них изначально благожелательное отношение к американскому государству во многом обусловило преобладание положительных отзывов о нем в британской печати на рубеже XVIII – XIX вв. и в самом начале XIX в. Но после того как "в 1819 г. Атлантику пересек первый пароход и таким образом путешествие в Новый Свет стало более кратким, безопасным и комфортным (и одновременно более дорогостоящим), в Америку направилась новая волна визитеров"⁴.

Теперь значительную их часть составляли представители интеллектуальной элиты английского общества - профессиональные литераторы, которые захотели воспользоваться растущим интересом британцев к заокеанской республике и в то же время задались целью повлиять на политическую ситуацию в своей стране. Это обстоятельство в немалой степени отразилось на характере и тональности оценок реалий, звучавших в сочинениях об Америке начиная с 20-х гг. XIX в. С одной стороны, в силу гораздо большей, чем прежде, компетентности авторов публика-

ций, их суждения стали и более глубокими, взвешенными и аргументированными. В то же время ставшие преобладающими среди британских путешественников консервативные настроения способствовали усилению критицизма в восприятии ими американской действительности. При этом неприглядные, с точки зрения самих британских наблюдателей, факты из жизни американского общества использовались для того, чтобы рассеять у соотечественников представление об Америке как "о свободной процветающей стране, где живут независимые люди"⁵. Основным объектом критики стали демократические институты американского государства, которые, по замечанию одного из англичан, "несли с собой беззаконие и произвол, утверждали в обществе дурные нравы и вкусы".

Попытки консервативно мыслящих британских авторов защитить общественно-политическую систему Англии нападками на американскую демократию стали особенно активными в период политического кризиса конца 20-х - начала 30-х гг. XIX в. - накануне и во время утверждения билля 1832 г. о парламентской реформе.

Суровым критиком американского общества стал Бэзил Холл. В прошлом он был капитаном флота и сделал успешную военную карьеру, а после ухода в отставку в 1817 г. занялся активной научной и литературной деятельностью. В 1827 - 1828 гг. англичанин посетил Канаду и США, после чего были опубликованы его "Путешествия в Северную Америку" - популярный и многократно переиздававшийся в Великобритании трехтомник⁶.

Критическая позиция британского наблюдателя в отношении американского государства, "торийская" направленность его взглядов просматривается, прежде всего, в оценке политико-правового устройства США: главной мишенью автора стали демократические принципы организации властных структур и судебных органов этой страны. По мнению британца, наиболее угрожающей тенденцией развития североамериканской республики была последовательная и всеобъемлющая демократизация ее политической системы, что означало "попрание буквы и духа Конституции 1787 г.", вело к установлению "чистой демократии..."⁷. Б. Холл считал необходимым существенно ограничить доступ американцев в политику: "Народ, обладающий избирательным правом, часто не в состоянии сделать правильный выбор, ...наука управлять доступна не каждому"⁸. По его оценке, широкие избирательные права американцев, а также демократический принцип частого переизбрания должностных лиц способствовали формированию крайне непрофессионального состава органов власти, засилью в них людей недостойных. В подтверждение своих слов английский путешественник не раз приводил описание дебатов, происходивших в конгрессе и легислатурах штатов. В его изображении американские законодатели - вчерашние фермеры, торговцы, сельские юристы - выглядели совершенно неготовыми осуществлять возложенные на них функции: их практически не ограниченные во времени выступления, нередко посвященные

"пустяковым" вопросам, часто были абсолютно бесплодными, изобиловали банальностями, выдавали элементарную необразованность ораторов⁹.

Не менее пагубными, по оценке Б. Холла, были результаты утверждения демократических начал в системе правосудия США. Так, по его свидетельству, формирование судейского корпуса здесь также осуществлялось без предъявления сколь-либо серьезных требований к кандидатам. По мнению англичанина, "чрезмерная" доступность судейских полномочий, а также незначительное жалование обуславливали невысокий социальный статус и профессиональный уровень американских судей: "Никто из первоклассных юристов не желает здесь становиться судьей..."¹⁰. К числу "демократических перехлестов" британский наблюдатель отнес и весьма удивившую его структуру судов в Америке, когда "юристом по образованию был только первый судья, два других - так называемые "товарищи судьи" или "ассоциированные судьи" - избирались из местных жителей, чаще из фермеров, и в судебном процессе фактически не участвовали"¹¹. Еще одной неотъемлемой чертой демократической судебно-правовой системы США Б. Холл считал многочисленные проволочки, волокиту в исполнении приговоров, что стало следствием "крайнего" упрощения порядка обжалования судебных решений: "Иногда тяжущиеся стороны обжалуют до 20 - 30 пунктов приговора"¹².

Причину многих несовершенств системы правосудия Соединенных Штатов автор усматривал в недостаточной независимости судебных органов этой страны. По его словам, "формировавшиеся на основе широких демократических принципов законодательная и исполнительная ветви власти оказывали постоянное давление на судебную, не давая ей возможности действовать самостоятельно". В подтверждение сказанному британский наблюдатель привел примеры того, как легислатуры отдельных штатов лишали местные высшие судебные органы их права объявлять неконституционными решения законодательных палат¹³.

Еще более непримиримую позицию в отношении американской демократии занимала Фрэнсис Троллоп, совершившая путешествие по США в 1829 – 1831 гг. Ее книга, посвященная пребыванию там, впервые была издана в 1832 г., положив начало блестящей писательской карьере англичанки¹⁴.

Являясь представительницей привилегированной части британского общества, Ф. Троллоп в своей работе попыталась показать негативное влияние демократических принципов на различные стороны жизни американского общества. При этом, не будучи искушенной в социально-политической проблематике, главное свое внимание автор уделила духовно-нравственному облику американцев, их повседневности: характеру, нравам, особенностям мышления и поведения, системе жизненных приоритетов. И здесь взору английской аристократки предстало весьма неприглядное зрелище. Так, например, она отметила "ужасные манеры" (и, прежде всего, пресловутое жевание табака), "грубую фамильярность многих американцев, всеобщий недостаток вежливости и любезности"¹⁵.

По мнению Ф. Тrolлоп, невысокие стандарты поведения жителей Соединенных Штатов были прямым следствием утверждения здесь всеобщего равенства, отдельные проявления которого особенно задели аристократические чувства англичанки. Ее, например, поразило обычное для рядовых американцев - фермеров, торговцев, булочников, прачек - обращение друг к другу: "сэр", "джентльмен", "леди"¹⁶. Английская путешественница была всерьез озадачена упорным нежеланием американок наниматься в домашние прислуги и вести себя "подобающим" образом: "Множество молодых женщин в Америке считают, что самая жалкая бедность предпочтительнее домашней службы"¹⁷.

Даже отдавая должное определенным личностным качествам американцев - уму, предприимчивости, упорству, практицизму - Ф. Тrolлоп выводила их из особой "болезненной страсти к деньгам и накопительству", которая также вызывала неприязнь писательницы как составляющая "плебейской" системы жизненных ценностей¹⁸.

По словам англичанки, несовершенства нравственных ориентиров социального поведения "демократически организованных" американцев особенно наглядно проявлялись в политической жизни. О "притупленности моральных чувств" у граждан США, по мнению писательницы, говорило, например, то, что большинство из них не видели ничего предосудительного в активном участии в политической деятельности "жуликов и воров"¹⁹. С отвращением и сарказмом Ф. Тrolлоп писала об "истеричности" предвыборных кампаний в Америке, о недостойных формах и методах политической борьбы, сверхмерном "политическом рвении" американских граждан: "Лучше бы они следили за состоянием дорог и изгородей"²⁰. Обратившись к сюжетам из повседневной жизни американцев, путешественница, в частности, отметила "некомфортность, неустроенность быта" у многих из них, что в свою очередь было отнесено ею на счет «демократической расхлябанности: в книге, например, описывается "нерадивость" повстречавшихся англичанке американских фермеров и, как следствие этого, их "бедность и прозябание"»²¹.

Желая окончательно развеять "американский миф" и доказать "лживость и двуличность" американской демократии, английская писательница привела "ужасающие" подробности из жизни негров-невольников, рассказав об условиях их труда на плантациях, нечеловеческой жестокости хозяев, "отвратительных питомниках для разведения рабов"²².

Следует отметить, что публикация книги Ф. Тrolлоп пришлась на пик борьбы за парламентскую реформу в Англии, и содержащиеся в ней антиамериканские и антидемократические выпады побудили многих либералов обвинить автора в пристрастности и неприкрытом торизме: слишком одиозной показалась им представленная писательницей панорама жизни американского общества.

Однако в дальнейшем отношение к американской республике даже со стороны консервативной британской интеллигенции меняется: "...начавшаяся после реформы 1832 г. демократизация политического устройства Великобритании сдела-

ла американскую демократию менее удобной мишенью для критики торийскими изданиями"²³. Не случайно начиная с этого времени сочинения об Америке стали отличаться гораздо меньшей, чем прежде, категоричностью и однозначностью суждений: теперь главным предметом критики была не демократическая система управления в целом, а наиболее радикальные ее составляющие.

В 1833 г. в Лондоне была опубликована книга известного тогда беллетриста, капитана Томаса Хэмилтона, побывавшего в Соединенных Штатах в 1831 - 1833 гг., - "Люди и обычаи в Америке"²⁴. Несмотря на то что и этого автора в исследовательской литературе традиционно относят к "законченным тори", его работу едва ли можно считать "откровенным нападением" на Америку - уже в силу довольно заметного стремления писателя к объективности. Тем не менее в характеристике демократических реалий у Т. Хэмилтона все еще преобладали негативные оценки.

Особое опасение автора вызывало распространившееся к началу 30-х гг. XIX в. в США практически повсеместно всеобщее избирательное право - "та скала, о которую корабль американской свободы, вероятнее всего, и разобьется"²⁵. Отмеченный британцем "чрезмерный демократизм" общественно-политической жизни Соединенных Штатов, по его мнению, серьезно дестабилизировал ситуацию в стране, особенно во время предвыборных кампаний, которые "проходили в Америке почти постоянно". Усиление партийного духа, сопровождавшее "неистовство политической борьбы", создавало, по словам наблюдателя, "крайне нездоровую атмосферу в обществе: оно разделялось на фракции, в нем утверждались низкие моральные принципы и устои"²⁶. Следствием "разгула демократии" и установившейся в американском государстве "тирании толпы" стала, по оценке Т. Хэмилтона, крайняя степень зависимости политических деятелей от настроений избирателей и уже как закономерный результат этого - невысокий уровень политической культуры выборных государственных чиновников, малоэффективность их деятельности²⁷.

Усиление демократических начал в политическом устройстве США, по мнению британского наблюдателя, особенно активизировало проблему взаимоотношений федерального правительства со штатами, которые все чаще и решительнее не подчинялись распоряжениям центра, заявляя о своей особой позиции в общегосударственных вопросах. В связи с этим английский писатель предрекал неминуемую гибель Союза в случае сохранения в неизменном виде действовавших в то время принципов его организации²⁸. Т. Хэмилтон был противником самой идеи противопоставления друг другу различных уровней или ветвей власти, и именно этот принцип он усматривал в основе системы "сдержек и противовесов" - ключевого механизма в политическом устройстве США. По мнению наблюдателя, реализация этого принципа вела к настоящему противоборству между различными звеньями управления, к усилению конфликтности в их взаимоотношениях²⁹.

Интерес английского писателя к американскому государству не ограничился сферой социально-политических отношений. Вслед за Ф. Тrollop он отметил негативное влияние демократических порядков на духовную жизнь американского общества. Так, по мнению британского наблюдателя, реализация принципа всеобщего равенства в сфере образования привела в Америке к снижению общего уровня просвещенности: он констатировал высокую степень невежества американцев, обнаружив грамматические ошибки "даже у почтенно выглядевших джентльменов"³⁰. Вполне соответствующим малообразованности большинства жителей Америки, по утверждению писателя, было и состояние их внутренней культуры, уровень духовных запросов. По мнению англичанина, именно на невзыскательные вкусы населения прежде всего ориентировалась демократическая американская пресса: многочисленные в Америке газеты и журналы, по словам британца, явно злоупотребляли "чрезмерной в этой стране свободой слова", превратившись в "своей невероятной лживости, предвзятости, грубости, погоне за сенсационностью в откровенно низкопробные издания"³¹.

Таким образом, в своей книге Т. Хэмилтон также подверг весьма скрупулезному и довольно пристрастному анализу различные стороны жизни американского общества начала 30-х гг. XIX в. Однако в своем восприятии американских реалий этот автор ушел от характерного для большинства его предшественников - английских писателей консервативного толка - тотального критицизма: в своей работе он, например, отметил и определенные успехи, достижения американцев. Особенно впечатлил британского наблюдателя высокий уровень жизни в Америке: "Побывав во многих странах, ...я нигде не видел столько счастливых, довольных жизнью людей"³². Более того, вопреки своим торийским взглядам, Т. Хэмилтон положительно оценил отсутствие в Соединенных Штатах права первородства, что, по его мнению, способствовало "росту трудолюбия, усердия, практицизма американцев"³³. Весьма благоприятное впечатление на писателя произвело "обилие благотворительных учреждений" в Америке, усиление гуманитарных настроений в американском обществе (в этой связи он отметил набиравшее в то время силу движение за отмену смертной казни)³⁴.

Знакомство английского общества с опытом демократического развития США в первые десятилетия XIX в. сыграло немаловажную роль в дальнейшей эволюции социально-политической системы Великобритании. Обсуждение "американского эксперимента" стало наиболее предметным и значимым для страны с началом посещений заокеанской республики консервативно настроенными британскими литераторами в 20-е гг. XIX в.: чисто эмоциональное восприятие американских реалий, которое было характерно для первой волны путешественников из Англии, сменилось всесторонним, тщательным, хотя и весьма критичным их изучением. Выступив на страницах своих сочинений активными противниками использования в Великобритании "американского опыта" (который стал таким образом предметом острой полемики), писатели-тори невольно сами способствовали

его популяризации, в определенной степени ускорив процесс демократических преобразований в английском обществе.

Некоторое смягчение критического отношения консервативной части британской интеллигенции к демократическому американскому государству в 30-е гг. XIX в. можно объяснить начавшимся в это время процессом осознания социальной элитой Британии неизбежности дальнейшей демократизации общественно-политической системы страны, желанием найти наиболее безболезненные для общества пути реализации этой исторической тенденции.

➤ Примечания

¹ America Through British eyes. N.Y., 1948. P. 11.

² Rapson L. Britons view America Travel Commentary 1860 - 1935. Washington; Seattle; L., 1971. P. 20.

³ America Through British eyes. P. 80.

⁴ Ibid. P. 70.

⁵ Ibid. P. 13.

⁶ Hell B. Travels in North America. Edinburgh, 1829. Vol. 1-3.

⁷ Ibid. Vol. 1. P. 270.

⁸ Ibid. P. 284.

⁹ Ibid. P. 34.

¹⁰ Ibid. Vol. 3. P. 429.

¹¹ Ibid. P. 430.

¹² Ibidem.

¹³ Ibid. P. 424.

¹⁴ Trollop. Domestic manners of the Americans. N.Y., 1949.

¹⁵ Ibid. P. 425.

¹⁶ Ibid. P. 99.

¹⁷ Ibid. P. 52.

¹⁸ Ibid. P. 64.

¹⁹ Ibid. P. 256.

²⁰ Ibid. P. 105.

²¹ Ibid. P. 242.

²² Ibid. P. 248.

²³ Rapson L.R. Op. cit. P. 4.

²⁴ Hamilton Th. Men and a manners in America. L., 1968. Vol. 1-2.

²⁵ Ibid. Vol. 2. P. 34.

²⁶ Ibid. P. 125.

²⁷ Ibid. P. 26.

²⁸ Ibid. P. 317.

²⁹ Ibid. P. 64.

³⁰ Ibid. Vol. 1. P. 7.

³¹ Ibid. Vol. 2. P. 386.

³² Ibid. P. 260.

³³ Ibid. Vol. 1. P. 104.

³⁴ Ibid. P. 9.

Содержание

<i>М.Е. Ерин</i>	
Осмысление проблемы отношений между немецким населением и советскими военнопленными. 1941 - 1945 гг.	3
<i>Г.Н. Канинская</i>	
Советско-французский диалог середины 80-х - начала 90-х: вклад М.С. Горбачева и Ф. Миттерана	8
<i>Т.М. Гавристова</i>	
Франц Фанон: интеллектуал, пророк, "гражданин мира"	18
<i>С.Ю. Торопова</i>	
Британские либералы и проблема лидерства в партии на рубеже XIX – XX вв.....	30
<i>И.И. Абрамова</i>	
Исторические взгляды Дж.М. Тревельяна и его интерпретация английской истории 1789 – 1832 гг.	40
<i>А.В. Гаврилов</i>	
Проблемы расширения и выработки социальной политики ЕС после Маастрихта.....	47
<i>Т.А. Казакова</i>	
Позиция национального промышленного капитала в отношении экономического планирования в колониальной Индии	53
<i>О.Д. Куликова</i>	
Проблема ангажированности интеллигенции во Франции в 1930-е гг.	61
<i>С.Ю. Федоров</i>	
Трансформация НАТО в 1990-е гг: приобретение альянсом миротворческих функций	65
<i>Н.Ш. Каркозашвили</i>	
Оценка консервативными английскими писателями американской демократии в 20 - 30-е гг. XIX в.	70

Проблемы новой и новейшей истории

Сборник научных трудов

Редактор, корректор В.Н. Чулкова
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Лицензия ЛР № 020319 от 30.12.96.

Подписано в печать 26.10.01. Формат 60х84/16. Бумага тип.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,35. Уч.-изд. л. 5,11. Тираж 100 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе
Ярославского государственного университета.

Ярославский государственный университет
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.

Отпечатано
ООО «РА "Вандейк"»
Ярославль, ул. Чкалова, 2. 1106.

